Кукла советника

Автор:
Елена Литвиненко

Кукла советника

Елена Литвиненко

Лира #1Руны любви

Таких, как я, называют шильдами. Флер – мой дар, и он же мое проклятие.

Дар позволяет мне влиять на чувства людей и животных, проклятие способно вызывать у мужчин неконтролируемую болезненную страсть. В надежде использовать силу, даруемую флером, меня, дочь безземельного рыцаря и служанки, ввели в древний род. Благодаря своему дару я получила учителей, Наставника и лучшего в мире брата. Но именно проклятие связало меня и Второго Советника князя, лорда Раду Виоре. Теперь ему мало марионетки по имени Лира, он хочет получить меня всю…

Елена Литвиненко

Кукла советника

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Е. Литвиненко, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Райаны. Проклятое княжество, прихвостни Темных, подлые захватчики – как только не называют их лизарийцы, запершись в своих домах и понизив голос почти до шепота. Маленькая горная страна, занимающая на карте территорию втрое меньше детской ладони, испокон веков наводила ужас на Лизарию и близлежащие острова Рассветного океана.

– А посреди этой забытой Светлыми земли стоит черный замок, где правит Проклятый Князь. Он огромен. Он уродлив. Его руки по локоть в крови детей, которых он пожирает десятками, а их костями он украшает свои одежды. И если ты не будешь слушаться, райаны заберут тебя! – так пугают шаловливых чад матери, а потом делают отвращающие знаки, чтобы не накликать беды.

Но беда приходит. Каждые десять – двенадцать лет истеричный набат будит спящие города и деревни, земля дрожит от топота закованных в сталь коней, а блики пожаров окрашивают в алый доспехи завоевателей.

– Райаны идут!

Огромной приливной волной они затапливают приграничные территории, порой захлестывая центр страны. Им не нужно золото и серебро – только фураж, зерно и люди. Хотя и от денег они не отказываются, если градоправитель пытается откупиться. Добычу свозят в замок князя, а уже оттуда тонкие ручейки награбленного растекаются по графствам. Мужчин отправляют в шахты и рудники, на постройку дорог и вырубку окраин Леса, женщины становятся служанками, кухарками и, если не повезет, солдатскими шлюхами.

Моей матери повезло. Ее, зареванную и перепуганную, в подвенечном платье, залитом кровью жениха, сразу забрал себе один из рыцарей – отобрал у солдат, уже разложивших девчонку на праздничном столе. Он даже заботился о ней, поселив в своей комнате над казармами и оплатив магическое клеймо на ее плече, вместо того чтобы выжечь тавро, а когда она рожала – позвал не грязную повитуху, а гарнизонного лекаря.

Думаю, отец меня любил.

Впервые я увидела его на третьем году жизни – он вернулся из похода. Помню запах металла и кожи, а потом резкий взлет – когда огромный мужчина поднял меня за рубашонку.

– И кто это тут у нас?

А я, вместо того чтобы зареветь от испуга, уставилась на него сощуренными глазенками и, извернувшись, стукнула кулачком в нос. Он опешил, потом расхохотался, посадил меня на сгиб руки и унес вниз показывать солдатам.

Большой мир меня ошеломил. Помню острую резь в глазах от солнечных лучей и ветер, взметнувший волосы, лязгающие клинки и выкрики тренирующихся, маячивший перед носом шнурок амулета на загорелой шее с косым шрамом и горьковатую сладость марципана. Потом, уже совсем освоившись, я сидела на коленях у отца за нижним столом с другими безземельными рыцарями, колотила оловянной ложкой по столу и кокетливо хлопала длинными ресницами, благодаря за подаренные конфеты.

– Мама, мама! Смотри! – трясла я за плечо лежащую ничком на кровати женщину. – Хочешь? – протягивала обмусоленные леденцы.

– Нет. – Глухой голос, дрожащий от сдерживаемых рыданий.

– Но вкусно же! – искренне удивилась я ее отказу. – Ну ма-ам!

– Пошла прочь! – рявкнула мать, рывком поднимаясь с постели. Застонала, схватившись за живот, и снова опустилась на матрас, пряча в подушку лицо с припухшими губами. Воротник платья сдвинулся, открывая багровые, будто укусы упыря, следы.

Я пожала плечами и ушла в свой угол, а ночью проснулась от скрипа кровати и глухих стонов. Высунулась из-за занавески и увидела мать, лежащую раненой птицей, отца с перекошенным лицом.

– Будь ты проклята… Чего тебе не хватает?

– Ненавижу тебя!

– Замолчи! Разбудишь…

– Ненавижу тебя и твое отродье!

– Побойся Светлых, она твоя дочь!

– Твоя!..

Я действительно очень походила на отца. Такой же миндалевидный разрез глаз, тот же острый подбородок, те же скулы и упрямо сжатые губы. От матери мне достались золотистые волосы одуванчиком, тонкая светлая кожа с голубым рисунком вен и хрупкая фигурка, из-за которой я выглядела гораздо младше своих лет.

Дни, когда отец уезжал, я стала проводить на плацу – сидела на перевернутой бочке под навесом и наблюдала за тренирующимися. Иногда брала прутик и подражала солдатам, веселя их своей неуклюжестью. Однажды я попробовала поднять деревянный меч с меня размером и разревелась от злости, когда поняла, что не могу выписывать им такие же изящные вензеля, как десятилетний Тон. Забросала его грязью за насмешки и убежала к конюшне.

Убежала, конечно, громко сказано – там нужно было быть очень осторожной, чтобы не попасться на глаза благородным и не быть растоптанной каким-нибудь жеребцом. Зато, если успешно спрятаться от мужчин в роскошных бархатных одеждах, от женщин в пышных платьях, их служанок, не стеснявшихся раздавать щипки и оплеухи, и помочь Слепому Жозе перебрать сено – упаси Светлые, гниль попадется, запорют! – он подсаживал меня на старого смирного пони и разрешал прокатиться пару кругов по леваде. В обеденное, конечно, время, когда благородные сидели за высоким столом и ели не поддающиеся описанию блюда, аромат которых доносился из кухонь.

Во внутренний двор замка я не совалась, раз и навсегда усвоив, что мне там делать нечего. Очень уж громко верещал поротый мальчишка, поспоривший, что заглянет в комнату Куколки – так мы называли княжескую дочь. В комнату-то он заглянул, забравшись по винограднику, и застал девчонку, разгуливающую перед сном в одних панталонах, а потом пролежал всю осень на животе. Шрамы

от колодок у него на руках так и не заросли.

Была ли мать против того, что я днями крутилась рядом с солдатами? Нет, конечно. Она меня даже не замечала. Похлебка была в горшке над очагом, раз в неделю меня скребли в тазу, будто желая содрать кожу, чистую одежду я брала из сундука – на этом забота и заканчивалась. Порой я ловила на себе ее ненавидящий пристальный взгляд, и мне становилось жутко.

А однажды я проснулась и увидела мать, стоящую надо мной с подушкой в руках.

– Уже пора вставать, мамочка?

– Спи.

Но уснуть в ту ночь я не смогла.

Отцу я ничего не рассказывала. Придумывала истории о том, как мы с мамой гуляли на ярмарке в его отсутствие, какой чудесный пирог она испекла, какую песню напела. Он улыбался, гладил меня по голове и требовал отчета за каждую царапину, каждый синяк на коленке.

Я была папиной дочкой, с радостным визгом повисавшей на стремени его коня, когда отряд отца возвращался, и ревевшей белугой каждый раз, когда он уезжал. Вцеплялась в его ногу и, загибая пальцы, переспрашивала, перемежая вопросы всхлипами:

– А кольчуга цела? А стеганку надел? Почему нет? Ну и что, что жарко! Надевай! А лекарственные порошки взял? И что, что лекарь есть? Я тебе зачем ромашку сушила-а-а?..

Окружающие рыцари и солдаты ухмылялись, лейтенант недовольно хмурился, поглядывая на солнечные часы, а отец улыбался, приглаживал вечно растрепанные косички, целовал в лоб и просил быть хорошей девочкой. Я кивала, а взамен требовала, чтобы он вернулся поскорее.

– Клянусь Светлыми, – кивал отец. – Ну, беги, котенок.

Я забиралась на сторожевую вышку и махала вдогонку до тех пор, пока отряд не скрывался в ущелье.

Размазывая слезы по грязной мордашке, шла домой – играть мне уже не хотелось. Прокрадывалась в нашу каморку, стараясь не потревожить мать, со злой усмешкой глядящую в окно, и тихо сидела за занавеской, делившей комнату напополам. Утром бежала в часовню. Денег на свечи у меня не было, и я, раскрасневшись от собственной смелости, предлагала служке принести цветов или подмести пол в обмен на огарки. Обычно он соглашался, и тогда я расставляла свечи вдоль всего ряда Светлых, прося, чтобы они присмотрели за отцом. И, на всякий случай, согревала Брыга – Темного божка, которого часто поминали солдаты и конюхи.

Светлые улыбались моему подношению, и даже кривая рожица Брыга вроде бы разглаживалась. Потом я вприпрыжку бежала на плац, забиралась на любимую бочку и дирижировала новобранцами, отрабатывавшими построения.

А однажды отец не вернулся.

Я прождала всю осень и начало зимы, проревела весь День Поворота, час за часом мерзла на сторожевой вышке, пока часовой силой не отдирал меня от покрывшихся наледью зубцов и не спускал вниз.

Наступила весна. Потом лето и снова осень. Потом нас выселили из каморки над казармой – серебро, оставленное отцом, закончилось. Чтобы хоть как-то прокормиться, мать продала сначала украшения, когда и эти деньги вышли – одежду. И раньше ненавидевшая отца, сейчас она проклинала его, даже не таясь. Я ютилась на конюшне, где ночевала мать – не знаю.

Хорошо помню сосущий голод, недовольные всхрапы коней, у которых я воровала хлебные корки и морковь, и пронизывающий холод – за год я вытянулась, и тонкое платье едва закрывало колени, а кожаные туфли уже не налезали. Через несколько дней мать вытащила меня из вороха сена, в котором я пряталась, и пинками погнала в сторону внутреннего двора замка.

– Но нам же туда нельзя! – уперлась я босыми пятками в брусчатку.

От подзатыльника зазвенело в ушах.

– Ты думаешь, я на тебя пахать буду? Здоровая кобыла вымахала! Пора самой хлеб добывать! – процедила мать, и только сейчас я заметила у нее отсутствие двух передних зубов.

Нас взяли работать на кухню. Мать – судомойкой, меня – принеси-подай. Я отскребала песком тяжелые медные чаны от пригоревшей еды, носила хворост для очагов, мыла пол, ощипывала кур и чистила овощи. Утром мне давали кусок хлеба и редкий чиар, изредка кружку молока, на ужин я соскребала из разных мисок похлебку, в обед – как повезет. Чаще ничего.

Нас будили задолго до рассвета, и уже к вечерней заре я выбивалась из сил. Падала на груду ветоши у очага и засыпала до следующего утра. Времени для прогулок на плац не оставалось, и солдаты, раньше дружески кивавшие, перестали меня узнавать, прогоняя с дороги. Мать со мной почти не разговаривала, ограничиваясь сухими приказами.

Так я и росла – голодной, грязной, забитой. Как затоптанный репейник, пробивающийся между брусчаткой внутреннего двора замка.

До того самого дня…

Глава 1

Куколка развлекалась.

Звонко хохоча и потряхивая смоляными кудряшками, она бросала с балкона свертки с сахарными леденцами, фруктами и мелкими монетами. Дворовая детвора подпрыгивала, пытаясь ухватить мешочек из серой холстины, дралась за каждую конфету, за каждый медяк.

Я завистливо вздохнула и поудобнее перехватила вязанку дров, размышляя, сунуться ли в толчею или подождать, вдруг какой подарок шлепнется неподалеку. Шмыгнула сопливым носом, переступила с ноги на ногу – камень холодный, но до деревянных мостков мешочек точно не долетит.

Конфет хотелось ужасно.

Да и мать наверняка надает мне плюх уже за то, что я задержалась, так пусть хоть не зря. Воровато оглянувшись, не видно ли меня с кухни, аккуратно поставила дрова у стены – так, чтобы было удобно сразу схватить их. Поймать мешочек, запихнуть его за пазуху, схватить дрова – и бежать, пока старшие не отняли драгоценные сладости.

Куколка легла животом на резные перила балкона, размахивая мешочком на длинном шнурке.

– Ну, кому еще? Тебе? – указала она на Тона. – Или тебе? – поддразнила незнакомого мне мальчишку. – А может, тебе? – подпрыгивал подарок над головой Сильфы.

– Мне! Да! Мне давайте, госпожа! – прыгали все. И я с ними, протягивая вверх худую руку. – Мне, госпожа!

– Ну, не зна-а-аю, – капризно надула губки Куколка. – Отдавать ли его вообще. Последний, – подбросила она мешочек на ладони. – Может, себе оставить?..

В ответ раздался огорченный гул.

– А, ладно, – хихикнула девочка, поворачиваясь спиной. – Раз… Два… Три!

Сверток взвился вверх. Завис на мгновение в воздухе и, кувыркаясь, полетел вниз. Я толкнула одного, пнула другого, укусила Сильфу, прорываясь вперед. Кто-то заехал локтем мне в губу, а я, в отместку, боднула его головой.

Конфеты лежали почти у мостков, недалеко от дров. Повезло!

Упав на четвереньки, полезла между ногами, выбираясь из свалки. Ободрала руку о выщербленный камень. Не обращая внимания на выступившие бусинки крови, кошкой прыгнула вперед, вырываясь из чьих-то рук, вцепившихся в косу.

– Лови ее!

Я схватила конфеты, дрова и припустила к кухням. Растрепанная Сильфа бросилась наперерез, широко расставив руки. Я резко свернула, Сильфа не удержалась на мокрых камнях и шлепнулась в лужу.

На балконе хохотала Куколка.

– Ой, не могу! Ой, умора!

Показав Сильфе язык, я повернулась к остальным, пятясь спиной вперед. Оглянулась – до кухонь еще шагов двести. Если выиграть хотя бы десяток локтей… Эх, не полезь я в толпу – уже давно грызла бы леденцы под присмотром поваров.

– Отдай сюда! – многозначительно сжимая руки в кулаки, выступил вперед Джайр, высокий, с плечами вдвое шире моих. – Сама отдашь или кости тебе переломать, малявка?

Я сглотнула, поежившись. От такого не убежишь.

– Я отдам…

– Во, слышали, – довольно заржал Джайр. – Она у нас умная, да? Одного раза хватило!

После того «раза» я до сих пор прихрамываю.

Остальные, как и тогда, когда я отказалась кланяться в ноги этому гаду, смотрели на нас с жадным любопытством – что дальше?

– Подавись! – крикнула я, швырнув в него деревяшкой из связки. Такая же серая, как и холстина, она отвлекла толпу мучителей, подарив мне несколько драгоценных секунд.

– Ах ты, дрянь! Убью! – зарычал Джайр, сообразив, что его обдурили. – Что стоите, идиоты?! Ловите ее!

Я тяжело дышала, из последних сил шлепая по подтаявшей грязи, вязанка становилась тяжелее с каждым шагом. Я уже всерьез подумывала о том, чтобы бросить и хворост, и конфеты – если бы не знала, что это бесполезно: меня снова пошлют за дровами, а Джайру нужны не леденцы, а кто-то, над кем он мог бы безнаказанно куражиться.

От спасительных кухонь меня отрезали. Выход только один – на конюшню. Светлые, пусть там будет Жозе! Он хоть почти и слеп, но зато кнут у него огромный…

– Помогите! – закричала я изо всех сил, подбегая к деннику. – Жо… – И задохнулась, налетев на кого-то.

Онемевшие руки разжались, дрова рассыпались, а я зажмурилась, ожидая удара.

– У тебя что, глаза на затылке? – дернул меня за волосы мужчина, заставляя поднять голову. – На меня смотри!

Закусив губу, я уставилась в пронзительно-черные с синим отливом глаза. Потом взгляд скользнул по дорогому дублету, выглядывающему из-под подбитого мехом плаща, золотой цепи на груди, пятнам от влажных дров на серой замше брюк. Быть мне поротой.

– Простите, господин, – попыталась шлепнуться на колени, но мужчина удержал меня за плечо.

– Тебя как зовут, девочка? – чуть хриплым голосом спросил он.

– Лира, – прошептала я.

– И куда же ты бежала, Лира?

– Хотела спрятаться…

– От них? – кивнул мужчина на толпу замерших в отдалении мальчишек.

– Да…

Мужчина приподнял мой подбородок, разглядывая лицо. Достал из рукава платок и начал оттирать грязную физиономию белоснежным шелком. Я зажмурилась, наслаждаясь ласковыми прикосновениями. Обернутый прохладно-гладкой тканью палец прошелся по губам, а потом щелкнул по носу.

Так делал отец…

Я улыбнулась, распахнув ресницы. А этот благородный совсем не страшный! И не злой. Мужчина ответил на улыбку, сверкнув зубами.

– Дрова для кухни? – деловито поинтересовался он.

Я кивнула.

– Пойдем, провожу.

Не веря своей удаче, я быстро собрала дрова в охапку, одной рукой прижимая их к себе, а другую доверчиво вложив в сильную ладонь.

Мужчина бросил грозный взгляд на мальчишек, топнул ногой.

– Кыш отсюда, шакалье!

Я смотрела на него, как на посланника Светлых. Высокий, со снежно-белыми волосами, собранными в хвост черной бархатной лентой, иссиня-черными глазами, короткой бородкой, обрамлявшей крупный рот, с сильными мышцами, перекатывающимися под рукавами, он поразил мое воображение.

– Так значит, ты работаешь на кухне, – задумчиво протянул мой спаситель.

– Да, господин.

– Нравится?

– Не очень…

Мужчина рассмеялся.

– А ты хотела бы быть, как она? – кивнул он на Куколку, все еще играющую на балконе.

Я вздохнула, глядя на девочку. Красивые платья, игрушки… И она наверняка не знает, каково это, когда руки ломит от ледяной воды в ведре, а прошедший с блюдом слуга, как нарочно, наступает грязными башмаками прямо на свежевымытый пол. Конечно, я ей завидовала. Иногда, перед сном, представляла, как вернется отец, как снова заберет меня в теплую каморку над казармами и купит… Нет, не марципан. Большую булку свежего, еще горячего хлеба и кувшин парного молока.

– Любая хотела бы, – сказала я, заметив, что мужчина ждет ответа. – Только это невозможно.

– Ну почему же, – ответил мужчина, опускаясь передо мной на корточки. – В День Поворота нет ничего невозможного. Тем более что я немножечко маг.

Он сжал руку в кулак, а потом развернул ее ладонью вверх. Над пальцами, рассыпая сиреневую пыльцу с крыльев, порхала бабочка. Снова рука в кулаке, и не успела я разочарованно ойкнуть, как на мужской ладони заискрилась льдистая лилия. Волшебник подул на нее, а потом осторожно воткнул мне за ухо, пощекотав шею.

– Вот так, – улыбнулся мужчина. – Тебе идет.

– Спасибо, – прошептала я, боясь прикоснуться к цветку.

Мужчина поднялся, отряхнул полы плаща, снова наклонился, подставив щеку. Догадавшись, я ткнулась губами в гладковыбритую кожу.

Маг улыбнулся, порывшись в карманах, сунул мне серебряную монету.

– Еще увидимся, Ли-и-ра, – протянул он мое имя и зашагал обратно в сторону конюшен.

Глядя ему вслед, я запоздало присела в неуклюжем книксене.

Глава 2

Кухня встретила меня отвратительным запахом мокрого птичьего пера, чадом над сковородами с прогорклым жиром, звоном посуды и громкими выкриками Магды-поварихи, отдававшей приказы не хуже казарменного сержанта.

– Ты! – размахивала она деревянной ложкой. – Живее меси тесто, пока я тебя в нем не утопила!

– Ты! – гулко впечаталась ложка в лоб поваренка. – Не зевай! Сбежит молоко – выпорю!

– Мина, лизарийская твоя задница! Когда ты домоешь эти брыговы противни?!

– Я заканчиваю, госпожа, – залебезила мать. Увидела меня. – Сейчас Лира дотрет…

– Лира сейчас будет перепелок ощипывать, – уперла руки в бока Магда. – Да поживее дрова складывай, дочь ехидны! Тебя только за Корисом посылать!

Я почтительно закивала и, пригибая левое ухо к плечу, прошлепала к длинному, вдоль всей стены в шестьдесят локтей, очагу.

– Что ты ползешь, как каракатица! – понеслось мне вдогонку. – Птицу нужно ощипать, пока не остыла!

Заталкивая крученые сучья под закопченный котел с булькающей похлебкой, я осторожно пощупала висок. Цветка ожидаемо не было – иллюзия развеялась, стоило магу уйти. Я вспомнила, как ласковые руки оттирали грязь с моего лица,

и тихо улыбнулась. Нежные прикосновения, от которых я совсем отвыкла за два года, были лучшим подарком на День Поворота.

– Ах ты, вредитель! Троллев выродок! – заорала Магда.

Покосившись через плечо, я увидела как повариха, схватив визжавшего мальчишку за клок волос на затылке, елозит его физиономией по грязному столу. Сбежавшее молоко воздушной корочкой пенилось на внешних боках ведерной кастрюли.

Ка-ззел!

Не ему же отмывать, вот и не уследил. Ненавижу! Так ему и надо, порадовалась я, когда Магда за ухо передала его стражнику.

– Выпори как следует! Чтоб неделю сидеть не мог!

Покачивая телесами, Магда повернулась кругом, выискивая, кому бы еще навешать плюх. Зыркнула на меня, но я уже сидела в углу и ощипывала дичь, сбрасывая перо в дырявый таз.

Рябчики, перепела, фазаны, вальдшнепы, горлицы, гуси, утки, куры были свалены одной кучей высотой мне почти до груди. Я даже пересчитывать не стала, все равно умею только до дюжины, а тут их раз в десять больше – все для высокого стола. Господин Виро?, главный повар княжеской кухни, терпеть не мог грязь в своей вотчине, и потому всю птицу и убоину свозили к нам, отчего небольшое помещение провонивалось кровью, желчью и содержимым кишок.

Я отобрала мелких птиц, которых нужно ощипать в первую очередь – в котел с кипятком какого-нибудь чибиса, в отличие от утки, не сунешь – сварится, но легче не стало. Прикинула объем работы – на весь день хватит, а ведь еще котлы мыть и скрести пол. Эх…

Начала с маховых перьев – они самые вредные и жесткие, если не выдернуть их сразу, то можно потом изуродовать тонкую кожицу на птичьем крыле. Очищенных птичек я раскладывала на столе – их освежуют и отнесут на высокую кухню.

Руки сами делали привычную работу, а губы нет-нет, да и разъезжались в улыбке, когда я вспоминала мага. «Еще увидимся. Хочешь быть, как она?» А вдруг это знакомый моего отца, пришла в голову невероятная мысль. Ну конечно же! Как я сразу не догадалась! Ведь, будь иначе, с чего ему со мной разговаривать? Защищать? Может, он расскажет что-то о папе…

В то, что отец погиб, я не верила. Предпочитала думать, что его отправили служить куда-то на Архипелаги. Или держат в плену, ожидая княжеского выкупа или обмена.

А может, отец спас этого незнакомца? И теперь тот чувствует себя обязанным позаботиться обо мне?

И совсем уж невозможная идея – а вдруг у меня Дар, а волшебник почувствовал это?

В княжестве маги ценились чуть ли не на вес золота – не рождаются они у нас, в отличие от того же Рау. В королевстве, говорят, каждый третий имеет слабые способности, а у каждого пятого имеет смыл их развивать. Кровь райанов же практически заглушает принесенную извне магию лизарийцев, даже для создания иллюзий нам нужны накопители. И тем ценнее рождающиеся раз в десять, а иногда и раз в двадцать лет маги.

Глупости. Папа – райан. Чистокровный, насколько я знаю, иначе был бы не рыцарем, а простым пехотинцем. Обладай даром мать – она не оказалась бы здесь, на грязной кухне. Я искоса взглянула, как она трет смесью песка и поташа жирные занозистые подносы. Даже не знаю, что хуже – дергать пух у казарок или мыть горшки.

«Хочешь быть, как она?»

Конечно, хочу! Я на все была готова, лишь бы выбраться отсюда, избавиться от необходимости постоянно пригибать голову в ожидании подзатыльника, от непосильной работы, из-за которой ломит все тело, от издевательств сверстников – особенно старались девчонки и незабвенный Джайр, чтоб его Лес позвал, от злых щипков женщины, не иначе как по недосмотру Светлых оказавшейся моей матерью.

– Лира!

– Да, госпожа Магда, – вскочила я, отряхивая колени.

– Иди, поешь, потом закончишь, – расщедрилась повариха, поставив на стол щербатую кружку с молоком и пару подгоревших коржиков.

«Еда! Еда-еда-еда-а-а-а!..» – радостно запел вечно пустой желудок.

– И не рассусоливай! Птица сама не ощипается!

– Угу, – промычала я, запихиваясь пересушенным печеньем. Эка невидаль, чуток горелое, все равно вкусно. А ведь у меня еще конфеты! Но их я съем позже, ночью, чтобы никто не видел.

Мать, со стоном разогнувшись, протерла последнее блюдо тряпкой, ненадолго присела в ожидании новой порции тарелок. Гарнизон, замковых слуг, конюших следовало кормить, и поток грязной посуды не иссякал никогда. Несмотря на стертые песком руки и противные объедки, мыть посуду мне нравилось больше, чем пол. Для посуды воду хотя бы грели.

Я перехватила голодный взгляд матери. Отвернулась. Потом отломила половину коржика и отнесла ей.

– Будешь?

Вместо ответа мать с силой ударила меня по руке. Я всхлипнула от обиды и боли, печенье улетело в очаг.

– Да я лучше от голода сдохну! – прошипела эта женщина. – Пошла вон!

От удара в грудь я не удержалась на ногах и шлепнулась на пол.

– Мина, отстань от нее, – заслонила меня широкими юбками Магда. Остальные слуги делали вид, что ничего не происходит.

Тяжело дыша, мать села обратно.

– Цела? – повернулась ко мне повариха.

Я кивнула.

– Ну так поднимайся, чего расселась? Работы мало? …А деньги у тебя откуда?! – хищно сощурившись, уставилась она на выкатившуюся из дырявого кармана монету.

«Деньги» – волшебное слово. Секунду назад не обращавшие на меня внимания – подумаешь, мать девчонку воспитывает, – слуги, побросав дела, столпились вокруг, показывая пальцами на серебро. Прикоснуться к нему не решались. Если залапать монету отпечатками аур, магу будет сложно найти вора, и за кражу выпорют всех. А то и повесят – кастелян был крут на расправу.

– Маленькая дрянь! – взвизгнула побледневшая мать. Налетела коршуном, ударила по щеке. – Откуда это у тебя?!

Я отползла от нее на спине, съежилась в углу, закрываясь от ударов.

– Мама, не надо!..

– Откуда деньги, я тебя спрашиваю? – схватила меня за волосы, выдирая клок. Ударила головой о стену. – Откуда деньги?! Украла? У кого?!

– Мне дал их господин! Я не крала!

– Господин дал? – зашипела мать. – Просто так? Целую серебрушку? – схватила меня за плечи, затрясла. – Говори, чертово отродье!

– Я… – кровь из разбитого носа стекала на губы, мешала говорить. – Я поцеловала его в щеку.

– Поцеловала?! Ах ты, шлю-ю-юха!.. И когда только успела?!

Схватив прислоненный к стене ухват, мать нацелила его на меня, как гарпун. Высокая, тощая, в грязной потрепанной одежде, с кудрявыми волосами, грозовым облаком окружавшими лицо с запавшими щеками, она была похожа на горгону. Я съежилась, закрывая руками голову. Папочка…

Удара не последовало.

В наступившей тишине я разлепила опухшие от слез глаза.

Высокий хрупкий юноша с легкостью отобрал ухват, удерживая за горло беснующуюся мать. По-птичьи склонив голову к плечу, он наблюдал, как по ее лицу разливается бледность, как закатываются глаза, как она неловко сучит ногами, пытаясь оторвать от шеи тонкую кисть с блестевшим на пальце перстнем.

С сожалением вздохнув, юноша разжал руку. Мать рухнула на пол бесформенным кулем, жадно хватая воздух. Что-то просипела, вращая выкатившимися из орбит глазами.

– Ты Лира? – мелодично протянул юноша в костюме пажа.

Сглотнув, я кивнула.

– Пойдешь со мной.

– Куда вы забираете ее? – спросил кто-то.

– Не твоего ума дело, – пропел юноша.

Я встала, опираясь на протянутую руку. Прихрамывая, пошла за пажом, как нож масло разрезавшим толпу. Подобрала монету. Слуги, на которых я смотрела, отводили глаза, и последнее, что я увидела, обернувшись, был злорадный взгляд моей матери.

Глава 3

– Господин, клянусь Светлыми, я не воровка! Эти деньги мне подарили! – бухнулась я на колени, едва мы покинули кухню.

Насвистывавший юноша поперхнулся, обернулся к всхлипывающей мне.

– Ты о чем?

– Вы ведь ведете меня к кастеляну? Но я не виновата, честное слово! Я могу показать господина, который дал мне серебро!

– Поднимись, – поморщился паж. – Фу, какая же ты грязная! – Юноша потянул прядь волос, выбившихся из косы. Разжал пальцы, брезгливо помахал рукой, будто стряхивая что-то липкое. – Не собираюсь я тебя к управляющему тащить. С тобой желает познакомиться один… э-э… господин. Будешь хорошо себя вести – получишь новое платье.

– Высокий, светловолосый и с такой бородкой? – показала я двумя пальцами вокруг губ.

– Да. И прекрати уже реветь!

– Простите, господин…

– Не отставай.

Я крепко сцепила руки на животе и засеменила за пажом, едва сдерживая радость. Маг не забыл! Я даже не надеялась, что он так скоро пришлет за мной. Думала, это случится завтра, а может, по окончании празднеств. Но он велел привести меня сегодня же! И снова спас… На этот раз от матери.

У заднего входа в замок сновали слуги и чистенькие поварята в белых крахмальных сюртуках – здесь была высокая кухня. Они косились на меня, перешептывались, хихикали, прикрывая ладонями рты.

– Вот замарашка!

– На какой помойке ее нашли?

– Ты хотел сказать, из какой выгребной ямы достали?

Их бы на нижнюю кухню, чистить очаги и промывать свиные кишки для колбас! Я бы понюхала, чем бы они пахли! Уж точно не ванильной выпечкой…

Мои уши горели, я низко наклонила голову, пряча красное от стыда лицо за волосами, и, не заметив остановки, врезалась лбом в зад притормозившего пажа. Поварята откровенно заржали. Обернувшийся парень занес было руку, как для подзатыльника, но вместо того чтобы стукнуть меня, схватил со стола какой-то южный фрукт, покрытый шипами, и швырнул в заливавшегося смехом мальчишку. От столкновения со лбом фрукт лопнул, окрасив колпак и румяную физиономию в цвет детской неожиданности. Паж хохотнул, наблюдая, как поваренок размазывает по лицу темнеющую мякоть, и обратился к господину Виро.

Главного повара я видела дважды – первый раз, когда он лично пришел на нижнюю кухню наблюдать за разделкой йеала, огромного восьмирогого козла, спустившегося из Леса в княжеские угодья. Второй – когда Виро решил выбрать нового помощника, взамен обварившего руку. На меня, девчонку, он даже не взглянул – сухопарый, остроносый мужчина без единого волоска на голове. Теперь же, бросив взгляд на герб, вышитый золотом на плече пажа, он почтительно кивнул на процеженное сквозь зубы:

– Пять ведер кипятка в северную башню немедленно, еще пять через полчаса. Кроме того, принесите нежирное мясо, хлеб и чиар. К вечеру, после официальной части праздника, должен быть готов поднос с фруктами, пирожными и лимонадом.

Мы пересекли кухню и по неприметным, петляющим переходам обогнули обеденный зал, занимающий весь первый этаж главного здания; не останавливаясь, прошли сквозь северное крыло и поднялись на десять, как я сосчитала, пролетов. Дальше дорогу преградили стражники, при появлении пажа браво стукнувшие о каменный пол древками алебард.

– Его сиятельства нет? – понимающе хмыкнул парень.

– Господин граф обедает с князем, – донеслось из-под забрала.

– Отлично.

Паж распахнул двери, пропуская меня вперед.

– Входи.

Я прошмыгнула мимо стражи и поняла, что попала в Сады Светлых.

Пол комнаты укрывал пушистый темно-коричневый ковер, такой мягкий, что мои замерзшие ноги утонули по щиколотку. Я остановилась, не смея идти дальше, с открытым от изумления ртом разглядывая бежевые стены с высокими арочными окнами, побеленный потолок с лепниной, камин, изображавший пасть гигантского зверя. В центре стоял стол со стопкой бумаги и чернильницей, емкостью с песком и перочинным ножом. Покои наполнял запах пчелиного воска, которым натирали мебель, и яблоневых дров, потрескивающих в камине.

– Что стоишь? – выглянул из-за резной панели паж. Рассматривая плетеные решетки на окнах, я даже не заметила, как он прошел мимо.

Вместо ответа я показала пальцем на грязные следы, оставшиеся на ковре от моих ног.

Цыкнув, парень вернулся, поднял меня под мышки, и, держа на вытянутых руках, отнес в комнату, выложенную мраморными изразцами.

– Сиди здесь.

Сидеть так сидеть. Мрамор был теплым, и я с удовольствием оперлась о стену. Магический светильник лил теплый свет на бирюзово-зеленые плиты, на каменные ступени, ведущие к большой ванне, на умывальник с висящим над ним овальным зеркалом в серебряной раме. Раньше я никогда не видела светильников вблизи, и мне стало интересно. Подражая горничной, высунувшейся из окна во время сухой грозы, я поманила светящийся шар ладонью. Тот качнулся и спустился с потолка, завис перед моим носом. Работает!

– Ярче! – приказала я. – Ой!

Белая вспышка больно резанула по глазам. Я плотно зажмурилась, но цветные пятна еще долго бродили под опущенными веками. Как приглушить свет, я не знала.

За дверью загомонили. Я вскочила, спрятав руки за спину. Магический шар, рассыпая пучки света, всплыл вместе со мной, замер над макушкой.

– Уйди, – прошипела я.

Шар остался висеть.

Панель, заменявшая двери, сдвинулась в сторону, в ванную вошли трое мужчин с ведрами парящего кипятка. Крякнув, вылили воду в ванну, поклонились и исчезли.

Поклонились? Мне?!

– Ковер почистите, – услышала я.

Заглянул паж. Недовольно прищурился.

– Экспериментируешь?

– Простите, господин…

– Господин Тимар, – наконец-то представился он.

Взбежал по ступенькам, ведущим к ванне, подозвал меня.

– Смотри, повернешь эту ручку – польется холодная вода, разбавишь, чтобы было не горячо.

Открыл ранее не замеченный мной шкафчик слева от зеркала, достал оттуда жесткую губку, кусок мыла, какой-то горшок с вязкой жижей и склянку с

желтоватым маслом.

– Сначала отмокнешь, вымоешься вся этим мылом, – показал Тимар на черный брусок. – Это, – ткнул он пальцем в горшок, – намажешь на голову, выпустишь воду…

– Куда?

– Что куда?

– Куда воду выпускать?

– Вот… кухня, – скривился парень. – В ванной пробка, выдернешь ее – вода выльется, понятно?

Я кивнула.

– Так вот, нанесешь шампунь на голову и волосы, спустишь воду, вот тебе полотенца, – сунул он мне три свертка. – Нет, не трогай – залапаешь, – передумал и положил их на лестницу. – Завернешься в полотенце, постучишь по панели.

– И что будет?..

– Воду поменяем, ты же как поросенок… Да, – обернулся он на выходе, – уборная – там.

– Господин Тимар, а что такое уборная?

Парень мучительно застонал.

– Туалет! Ночной горшок! Отхожее место!

Я залилась краской.

– Понятно… Спасибо.

Спустя пару минут – замечание пажа о туалете было донельзя своевременным – я с удивлением взирала на странную конструкцию: стул – не стул, дупло – не дупло. Придумают же… Интересно, а у Куколки такая же уборная?

Бросив грязные вещи у подножия лестницы, забралась по ступеням, потрогала воду кончиками пальцев и добавила холодной. Ванна больше напоминала озеро, таких, как я, в ней поместился бы десяток. Я снова проверила температуру и шагнула вниз, сразу присев на корточки. Во все стороны побежали волны, отразились от высоких бортов и плеснули обратно, попав в нос. Тепло-то как…

Отмокала я недолго. Едва заметив, как мутнеет вода, схватила губку, повозила по ней мылом и начала скрести себя, пока не показалась чистая, светлая кожа. Дольше всего провозилась с волосами – спутанные, забывшие, что такое гребень, лохмы, оказывается, доставали почти до колен. А я и не знала, что они так отросли, раз за разом подвязывая их обрывками ткани. Я даже уши помыла, чего раньше терпеть не могла и всегда уворачивалась, когда мать меня купала.

Кое-как разобрав и промыв пряди, отжала их, добралась до той самой пробки, выдернула ее, наблюдая воронку воды. Завернулась в полотенце и постучала по панели, подавая знак, что закончила.

Дверь распахнулась сразу же.

– Оу, а под коркой грязи скрывалась довольно симпатичная мордашка, – хмыкнул Тимар. – Волосы почему не смазала?

– Ой… Я забыла… Я сейчас!

– Не суетись, – остановил он меня. Поджал губы, увидев песок, покрывающий дно ванны. Повернул рычаг, позволяя потоку холодной воды смыть мусор. – Ты что, первый раз моешься?

– Нет… Я купалась и раньше.

– Под дождем, небось? – съязвил парень. И скомандовал: – Наливайте!

– А зачем еще раз мыться? – спросила я.

– Так надо, – отрезал Тимар. Откупорил до этого нетронутый пузырек и влил несколько капель масла в воду. По комнате поплыл тяжелый, приторный запах лилий.

Я чихнула.

– Мой волосы и выходи, пообедаешь.

Пообедаю? Ух ты!

Не дожидаясь, пока паж уйдет, я занырнула в ванну. А вот с маслом он явно перестарался – тонкую кожу век неприятно защипало, когда на них попала вода. Ну, ничего, потерплю. Вязкая гадость в горшке отлично распределилась по волосам, а потом неожиданно вспенилась, да так, что я еле выполоскала шевелюру. Зато пряди стали тяжелыми, плотными и сами выпутывались из пропущенных мной колтунов.

Завернувшись в полотенца, волочившиеся по полу, я выглянула из-за панели. Паж полулежал в кресле, перекинув ноги через подлокотник, и задумчиво крутил перстень, переливавшийся рубиново-алым. Заметил меня, надел кольцо на палец.

– Подсматриваешь?

– Нет, господин, – испугалась я.

– Ладно, выходи уж, юное умертвие, – улыбнулся он. – Есть хочешь?

Я кивнула, стараясь не ронять слюну при виде сочных ломтей курицы под сливочным соусом.

– Ешь, – приглашающе кивнул Тимар.

Я с недоверием уставилась на него.

– Ешь-ешь, – подбодрил меня парень.

Я осторожно, словно курица могла меня клюнуть, взяла ножку в руку. Не спуская настороженного взгляда с пажа, откусила источающий божественный аромат кусочек. А потом весь мир для меня пропал, я очнулась, только когда поняла, что почти рычу, вцепившись в крылышко, а паж пытается его отобрать.

– Хватит, говорю! – ругался он. – Вот же брыгова девчонка! Хватит! Отдай! – выхватил он блюдо из-под моего носа. – Живот заболит. Через час еще поешь, а пока хватит. Руки помой. Не об себя вытри, а помой, дура!

Проводив грустным взглядом еду, я пошла мыться в третий раз. В третий! С ума сойти. В приоткрытую дверь влетел небольшой сверток и пара туфель. Заскользила по плитке деревянная расческа.

– Переоденешься.

– Да, господин, – по привычке поклонилась я, хотя меня никто не видел.

Нижняя сорочка из тонкого льна мягко легла на плечи. Темно-розовое, лососевого оттенка платье, украшенное серебряным шитьем вдоль узких рукавов, небольшого выреза-каре и по подолу, было чуть великовато, но широкий пояс решал проблему. А туфли привели меня в восторг – маленькие, шелковые, с парчовыми бантиками у носка. Даже жаль такую красоту на ноги надевать: из-под длинного подола – как у взрослой! – их никто не увидит.

– Ну, где ты там? – Отъехала в сторону панель.

– Я готова, господин Тимар! – повернулась к пажу.

Парень смотрел на меня расширенными глазами. Как-то странно скривив рот, обошел вокруг, я только головой вертела.

– Кто твой отец?

– Папа – рыцарь! – гордо ответила я.

– Где он? – недовольно спросил паж.

Что не так я сделала?..

– Папа, он… Он уехал два года назад. Еще не вернулся.

– Он не признал тебя?

– Признал! – возмутилась я. – Я не бастард!

– Татуировка рода есть?

– Нет… Но папа обещал сделать!

– Ясно, – поджал губы парень. Еще раз оглядел меня и сухо приказал: – Из гостиной – ни шагу. Поужинаешь, когда начнет темнеть, руки мыть не забывай, ничего не трогай, поняла?

– Да, господин.

– Отлично.

Отодвинув, почти отшвырнув меня в сторону, паж быстрым шагом покинул покои.

«Скотина!» – услышала я тихое из-за двери.

Глава 4

Странный он, этот Тимар. Сначала ругался, потом шутил, потом снова стал недовольным. Может, я платье неправильно надела? Так, вроде бы, нет – зеркало утверждало, что наряд сидит хорошо. Даже лучше, чем на Куколке, гордо подумала я, покружившись. Видели бы меня сейчас на кухне… Не узнали бы, наверное. Интересно, кто вместо меня рябчиков ощипывает?

Я хотела заглянуть в шкаф с банными принадлежностями, но не решилась, еще разобью что. Вышла в гостиную, побродила вокруг стола, разглядывая листы плотной, чуть желтоватой бумаги, нож с выдвижным прямоугольным лезвием, бронзовую чернильницу в форме обнаженной девушки. Нарисовала пальцем узоры на мелкозернистом песке-промокашке, посидела в каждом из трех кресел и, наконец, подошла к окну. Высокое, стрельчатое, я не достала бы до смыкавшихся кружевных решеток, даже если бы залезла на подоконник. Впрочем, эту мысль я сразу отмела – не хватало помять мое новое платье, и просто раздвинула пошире тяжелые бархатные портьеры.

Вид из окна был не хуже, чем со Сторожевой башни. Замок, как на ладони, со всеми пристройками, галереями, казармами во внешнем дворе, крепостной стеной, на которую мне не было хода. Внизу бродили люди-таракашки, а наверху бугрилось серо-стальными бурунами низкое небо. Плывущие с гор тучи, казалось, цепляли подолами шпили башен, сквозь прорехи в облачной кисее сыпался мелкий снежок – в ожидании гостей княжеский маг пока еще удерживал буран.

Я, как кошка, сидя у окна, наблюдала за происходящим внизу. Кареты лордов, маленькие черные коробки, запряженные лошадьми мышиного размера, все прибывали. Замок в сгустившихся, несмотря на всего четвертый час пополудни, сумерках горел цветной иллюминацией вдоль карнизов, улыбался желтыми окнами. Туда-сюда сновали слуги – их можно было отличить от лордов благодаря отсутствию развевавшихся на ветру плащей.

У нас всегда было много работы, а в День Поворота зимы, день с самой длинной ночью, ее количество утраивалось. Помню, в прошлом году меня растолкали затемно и вместе с другими принеси-подай отправили за дровами. Нужно было наносить хвороста, чтобы оживить тлеющие угольки, и колотых пней, которые долго прогорают. А много ли дров я могла притащить за один раз, будучи лишь на пару ладоней выше стола? Вот и пробегала почти до самого обеда. Потом мыла овощи, отскребая их щеткой в ведре, потом столы, оттирая жир после потрошения птицы, потом снова овощи и снова столы. И так весь день, настолько отупев от усталости, что не заметила ни праздничного фейерверка, ни опрокинувшегося чана с кипятком. Я не обварилась только благодаря какому-то рыжему мальчишке, выдернувшему меня из-под обжигающего потока.

Стекло запотело. Я повозила по нему ладошкой и вдруг вспомнила о конфетах. Побежала в ванную, оскальзываясь на мраморе пола, и едва не разревелась,

увидев, что моя одежда, а с ней деньги и леденцы, пропали. Наверное, их унесла тихая служанка, которую я заметила, только когда стукнула входная дверь да мелькнул кусочек форменной серой юбки. Обидно… Зато… Зато у меня курица есть, и я ее съем!

Часы пробили шесть, семь, восемь часов. В половине девятого, когда я, позевывая, лежала, свернувшись калачиком в кресле, в покои влетел запыхавшийся Тимар. Я часто заморгала и потерла глаза, прогоняя сон.

– Маленькая, я тебя очень прошу, – зашептал он, оглядываясь на двери, – сразу после того, как придет граф, выпей чиар, хорошо? Не раньше, не позже, а сразу, как только он войдет. Поняла?

– Да, – удивленно ответила я, глядя, как парень плеснул в стакан напиток, что-то бросил в него и размешал черенком вилки. – Что это, господин?

– Лекарство, – погладил меня паж по голове. – Просто лекарство. И не говори об этом графу, ладно?

– Да, конечно, – встала я.

– Нет-нет, сиди. Можешь подремать еще час-другой.

Паж так же быстро вышел из комнаты.

Я поставила стакан поближе, разглядывая содержимое. На вид обычный чиар, пахнет свежесорванным липовым цветом, медом и, совсем чуть-чуть, горьковатым шиповником. Но, раз так нужно, обязательно выпью. Оставила стакан на столе, чтобы был на глазах, и уснула.

Разбудили меня прикосновения к затекшей шее и чуть хрипловатый голос.

– Здравствуй, Л-и-и-ира.

Я уставилась в синие, почти черные глаза в опушении белесых на кончиках ресниц.

– Здравствуйте, господин волшебник, – прошептала я.

Мужчина усмехнулся.

– Я не волшебник, я только учусь. Болит? – спросил он, увидев, что я тру затылок. Положил прохладные пальцы на шею, осторожно помассировал.

Я едва не замурлыкала от удовольствия.

– Спасибо, господин…

– Господин Стефан, – мужчина потянул меня за длинную прядь волос. – Как чудесно пахнут твои волосы… – И даже принюхался, раздувая ноздри.

Лекарство! Я совсем про него забыла!

Я села в кресле, облизнув губы.

– Можно, я попью?

– Конечно, конечно, можно, дорогое дитя, – ответил маг, протягивая мне лимонад в хрустальном бокале.

– А… А можно мне чиар?..

– А я все выпил, – развел руками мужчина.

Мое лекарство?!

– …но если хочешь, прикажу принести еще.

– Нет-нет, спасибо, – пробормотала я.

Глотнула терпкого лимонада, пузырьками пощекотавшего горло.

– Может, пирожное? – предложил господин Стефан. – Ты какие больше любишь? Ореховые, кремовые? Шоколадные?

– Ореховые, – с надеждой посмотрела я.

– Держи, – протянул мне мужчина хрустящую трубочку, с удовольствием наблюдая, как я похрустываю арахисом, вываренным в меде.

– Перейдем в другую комнату? Там будет удобнее.

– Хорошо, господин Стефан, – поднялась с кресла я.

Граф взял поднос и остановился у двери, слева от камина.

– Откроешь?

Я повернула ручку и первая вошла в спальню.

– Ого! Какая у вас большая кровать!

– Да, не маленькая, – согласился маг, поставив поднос с пирожными и вазочкой лакричных леденцов на покрывало, а кувшин с лимонадом на пол. Снял сапоги, отстегнул кинжал, бросив его на подушки. Развалился снежным барсом, лениво наблюдая, как я исследую комнату.

– Тебе очень идет это платье, – сказал он мне.

– Правда? – зажглась я.

– Правда, – улыбнулся он. – Тебе самой нравится?

– Очень! А туфельки еще больше!

– Какие туфельки? – посмеиваясь, спросил граф.

– Ну как же, – растерялась я. – Эти! – приподняла подол платья.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался волшебник. – Дай посмотреть… Запрыгивай, – похлопал он по подушкам.

– Прямо прыгать? – не поверила я.

– Прямо прыгай, – сверкнул зубами он.

Разбежавшись, я вскочила на кровать. Не рассчитала, навалившись на мужчину.

– Ой, простите…

– Ничего страшного. Действительно, очень красивые туфли, – погладил он мою ногу гораздо выше шелковых бантиков. – А еще ты вся в меду…

Его палец медленно прошелся вдоль моей верхней губы, собирая ореховые крошки, а глаза из темно-синих стали черными колодцами. И сам он весь как-то подобрался, вмиг растеряв доброту.

Стало жутко.

Я несмело улыбнулась и заерзала, высвобождаясь из-под ставшей тяжелой руки.

– Господин, а вы знаете моего отца? Он рыцарь, служит в отряде господина Шеньйе…

Граф надавил мне на плечо, заставляя сидеть смирно.

– Помолчи.

Маленький зверек внутри завопил от ужаса, когда мужчина зарылся носом в мои волосы, когда перебросил вперед длинные пряди, целуя шею. Что за этим последует, я догадалась, несмотря на свои годы. Практически беспризорных детей, работающих на кухне и конюшне, не слишком ограждали от реалий взрослой жизни. Я уже видела солдатских шлюх, с развязной улыбочкой выходящих из казарм, и всхлипывающих служанок, изнасилованных лордами в переходах галерей. Но я не верила, что подобное может когда-нибудь произойти

со мной, пусть я служу на побегушках. Я же дочь рыцаря, не какая-нибудь лизарийка или островитянка!

– Пустите! – дернулась я.

Мужчина гортанно рыкнул и укусил меня за шею.

Бежать! Бежать! Обратно, на кухню! Лучше уж сносить побои матери, чем то, что сейчас случится!

…в ушах звенели крики новеньких прачек, метавшихся в кругу гогочущих солдат…

Я схватила с подноса тонкую фарфоровую тарелку и ударила графа по лицу.

– Отпустите!

– Ах ты, маленькая дрянь!

От хлесткой пощечины зазвенело в ушах, на несколько секунд я потеряла сознание, а очнувшись, услышала треск рвущегося шелка, шумное дыхание, обдававшее жаром лицо и грудь.

– Не надо! Пожа… – я захлебнулась криком, когда сильная пятерня сдавила горло.

Воздуха не хватало, я беззвучно рыдала, умоляя мага остановиться. Слепо шарила вокруг в поисках хоть какого-нибудь оружия. Пальцы правой руки нащупали замшу. Далеко, слишком далеко. Я обмякла, перестав сопротивляться, и ладонь на горле медленно разжалась.

Потом, несколько дней спустя, я солгала Тимару, спросившему, как я, мелкая пигалица, смогла убить взрослого мужчину, воина. Я сказала, что обезумела от страха и не соображала, что делаю. Вранье. Я все понимала, анализировала каждое свое движение, каждое слово.

– Господин, пожалуйста, не делайте мне больно, – просительно прикоснулась я к плечу графа.

В глазах лорда Стефана плескалось безумие, на короткой бородке блестела слюна.

Не отводя взгляда, я медленно, очень медленно выгнулась под лапавшей меня ладонью, выдернула кинжал из ножен и вогнала его в бок графу по самую рукоять. Он охнул, неверяще глядя на потекшую обильным ручьем кровь. А я, вывернувшись из-под него – откуда только силы взялись! – вонзала кинжал снова и снова – в грудь, в спину, в шею, до тех пор, пока бездыханное тело не упало на кровать.

Вот тогда-то истерика и началась.

Что я натворила?!

Он мертв или его еще можно спасти?

И что он со мной сделает, если выживет?

Я тихо выла на одной ноте, заглушая кулаком всхлипы и пытаясь удержать в желудке ореховые пирожные. Кровь будто заменили свинцом – я с трудом ворочала руками и ногами, не будучи уверенной, смогу ли сделать хоть шаг. Чтобы заглушить мерзкий привкус желчи, начала грызть лакрицу, разбросанную по шелковому покрывалу. Помню, я роняла ее, никак не могла донести до рта, и очень боялась отвести взгляд от графа – все казалось, что он притворяется, что сейчас повернет ко мне лицо, утопленное в подушке, и выдохнет: «Ли-и-ира», а я не смогу убежать на отнявшихся ногах.

Утром меня нашла служанка.

Глава 5

Сначала я услышала, как мягко открылась и закрылась входная дверь в соседней комнате. Глухо звякнуло что-то тяжелое, опущенное на пол, плеснула вода. Едва слышно скрипнули створки открываемых окон. Прошелестели тихие шаги, зашоркали щетки о ворс ковра. В наступившей тишине приоткрылась дверь в спальню.

– Эй!.. Пс-с-с! Иди сюда!

От легкого ветерка, прокравшегося из гостиной, ворохнулся полог кровати, взметнулись тонкие бело-седые волосы мага, выбившиеся из-под бархатной ленты. Застоявшийся воздух комнаты качнулся, смешал запахи лилий и крови, по шелковому рукаву пробежала волна, будто мужчина шевельнул кистью.

Задыхаясь от страха и тошноты, я судорожно сжала липкую рукоять кинжала, раскусила кусочек лакрицы, которой был набит рот.

Служанка рассерженно фыркнула, прокралась вдоль стены, распахнула окно. Завихрились занавески, раздулись парусами портьеры. Хоровод мелких снежинок закружился в приглушенном свете магического шара и мелкими росинками осыпался на ковер.

Повернувшись ко мне, девушка дернула плечами, поежилась, несмотря на форменную серую кофту. Подошла, протягивая руку.

– Пойдем, – зашептала она. – Тебя отведут на кухню, дадут горячего молока. Давай руку. Ну?

Встряхнула меня за плечо.

– Пойдем-пойдем-пойдем… Тете Риссе нужно убраться, а тебе пора к маме…

Одеяло, в которое я завернулась, сползло, открыв кинжал.

– Это что такое? Ты зачем его стащила? Отдай сейчас же, – попыталась она разжать мои побелевшие пальцы. – А кровь откуда?

Служанка поманила светильник, приказав ему зависнуть над кроватью, и громко завизжала, закрывая лицо руками.

Ругань, топот сапог, дверь распахнулась, едва не слетев с петель. Стражники с алебардами наперевес влетели в спальню и затормозили, будто налетев на невидимую преграду.

– Она!.. Она… Она убила господина!

Растолкав стражу, в комнату вбежал расхристанный паж – перекошенная рубаха, полузастегнутые бриджи – влепил служанке пощечину, заставляя ее умолкнуть.

– Заткнись, дура! – рявкнул он.

Глаза парня заметались, глядя то на меня, то на мертвого графа.

– Что смотрите, вон отсюда! И ты тоже, – сдернул он меня с кровати.

Я пошатнулась, стараясь удержаться на подгибающихся ногах; комната накренилась, пол будто рванулся навстречу. Уронив кинжал, я вцепилась в рубашку Тимара. В затекших стопах кололи тысячи иголок.

Толчками придавая направление, паж выпихнул меня из спальни, швырнул, как куклу, в кресло.

– Сиди здесь!

Закрыл дверь, привалился к ней спиной, мучительно размышляя. Проснувшиеся слуги толпились в коридоре, перешептывались, поглядывая на Тимара и стараясь не смотреть на меня.

– Доложим князю? – решился, наконец, кто-то.

– Нет! Сначала виконту, – тряхнул волосами паж. – Возвращайтесь к себе и не высовывайтесь. И не вздумайте болтать, – угрожающе предупредил он. – Шкуру спущу!

– Ты! – повернулся парень к полуобморочной служанке, всхлипывающей в рукав. – Завтрак графа принесешь сюда, все должно быть как обычно! Никому ни слова, пока не прибудет виконт. Что стоим, кого ждем?!.

Искоса поглядывая на меня, Тимар поворошил поленья в камине, заставляя их разгореться. Налил себе вина и отошел к окну, вглядываясь вдаль. Несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух и заговорил, я даже сначала подумала, что со мной, – но ошиблась.

– Ваше сиятельство… Нет, я не оговорился. У меня две новости. И обе хорошие. О первой вы, наверное, уже догадались. Вторая состоит в том, что мне не пришлось использовать… хм-м… перстень, который вы дали. Вашего брата убила его новая игрушка. Да, господин, я так и сделал. Спальня заперта, девчонка изолирована. Я буду вас ждать.

Паж допил вино и захлопнул створки, но даже через мутноватые стекла была видна метель, белыми кулаками колотившая в окно.

Я несколько раз пыталась заговорить, узнать, что со мной будет. Запорют? Повесят? Отрубят голову? Затравят собаками?.. Князь Луар знал толк в казнях. Обклеванный воронами череп непокорного лорда до сих пор скалится безгубым ртом над задней стеной… Вместо голоса из горла раздавался мышиный писк.

Светлые, помогите! Я буду хорошей, очень хорошей! Я никогда не буду больше воровать еду, буду почитать мать, буду покорно выполнять любую работу на кухне, и каждую неделю, нет, дважды в неделю в часовне, чтобы иметь возможность согреть вас свечами!

Боли я боялась больше всего.

Вот и сидела истуканом, вжимаясь в кресло, глупо надеясь, что обо мне забудут.

Тимар расхаживал взад и вперед по комнате вдоль стены с прорубленными в ней окнами, не отрывая взгляда от происходившего внизу. Не знаю, как он умудрялся рассмотреть хоть что-то в завывавшем буране. В половину седьмого утра, бросила я взгляд на часы на каминной полке, паж сжал завибрировавший на груди амулет.

– Да, господин, мы в Северной башне. На самом верху.

Встречая прибывшего, склонился в поклоне.

– Ваше сиятельство.

Низко опустив голову, прячась за волосами, я боялась взглянуть на человека, который решит мою судьбу.

– Где тело? – Голос властный, холодный, совсем не похожий на текучий «Ли-и-ира».

Тимар распахнул дверь в спальню.

Новоиспеченный граф стремительно прошел мимо, обдав меня запахом мороза.

– Темные с тобой, любезный братец, – услышала я. – Жаль, не вышло лично перерезать тебе горло… Кто это сделал?

– Она.

Граф опустился передо мной на корточки, двумя пальцами сжал подбородок, заставляя поднять голову. Я заледенела под взглядом бледно-голубых нерайанских глаз и опустила ресницы. Кажется, даже дышала через раз.

– Как тебя зовут? – отрывистые слова, будто команду отдает.

– Ли… Лира, – выдавила я.

– Нужно говорить «Лира, господин», – поправил он меня.

– Лира, господин, – послушно прошептала я.

– Молодец.

– Позвольте, ваше сиятельство, – приблизился, как змея по воде, ранее не замеченный мной человек в потертом балахоне. Положил ладонь на мой затылок, заглянул в лицо, снова поводил рукой над теменем. Не то от мигающего света, не то от страха, мне показалось, что его зрачки вытянулись и позеленели.

– У нее есть Дар?

– Нет, господин. Дара нет, – выпрямился Змей, как назвала я его про себя. – Но она обладает флером.

Чем?..

Видимо, мужчинам это слово говорило гораздо больше – притихший Тимар отодвинулся, Змей насмешливо щурит глаза. И совсем они не вытянутые, с чего я взяла?.. А брат убитого мной человека смотрит оценивающе, как на товар на прилавке.

– Шильда… Тогда понятно, почему Стефан потащил ее в постель прямо в княжеском замке. Обычно он развлекается в домашней обстановке. Кто твои родители, девочка?

– Мама работает на кухне.

– А папа?

– Папы нет.

– Ясно. Значит, так, – повернулся короткостриженый мужчина к Тимару. – На моего брата напали двое наемников, вломившихся в спальню через окно. О любви Стефана к свежему воздуху, – хмыкнул, – знают все, никто не удивится незапертым ставням даже во время метели. Ты услышал шум, вбежал, увидел, как графа добивают, вместе со стражей уничтожил убийц, помешав им уйти телепортом. Так старался спасти хозяина, что даже под клинок подставился.

– Под клинок? – вытаращился Тимар. – Но я же не ранен…

– Незадача, – повел плечами короткостриженый и неуловимым броском вогнал стилет в бедро пажа. Юноша закричал от боли и неожиданности, упал на одно колено, зажимая рану.

– Ну вот, – обтер мужчина кинжал о рубашку Тимара. – Теперь ранен. Все, мы с Сибиллом уходим. Трупы «убийц» лежат на втором пролете снизу, в нише с доспехами. Расположи их тут похудожественнее. И смотри, от правдоподобности зависит твоя жизнь.

Юноша кивнул, проглатывая слезы.

– А девочка, господин? Что делать с ней?

Да! А я?..

Короткостриженый обернулся. Потер затылок.

Светлые, помогите…

– Флер, говоришь… Ну ладно, пусть живет. Привезешь ее в замок.

Кивнул Змею-Сибиллу, тот что-то прошептал, стиснув в ладони камень-подвеску. Хлопок – и в комнате остались лишь мы с Тимаром и легкий красноватый пепел иссушенного амулета.

Глава 6

Тимар, тяжело дыша и кривясь от боли, смотрел на меня. Один удар сердца, два, три. Глубоко вдохнул, тряхнул гривой рыжих волос, встал, опираясь о стену. Дохромал до стола, потом до моего кресла, где я все так же прятала ладони между колен.

– Идем, – стряхнул он меня с мягкого сиденья.

Я закусила губу, когда паж, оберегая раненую ногу, навалился на мое плечо. Кое-как помогла парню дойти до выхода. Тимар оглядел слуг и стражу, молча провел меня к комнатушке напротив, втолкнул внутрь и запер. Помню, я согнулась в три погибели, подглядывая в замочную скважину.

Слышно было плохо, видно мало, но даже этого хватило, чтобы понять, какой бедлам начался. Вот четверо стражников внесли два больших свертка. Из покоев послышались удары, грохот опрокинутой мебели, крики. Пробежала, согнувшись под тяжестью подноса, служанка, заглянула в распахнутую дверь и рухнула в обморок. Из покоев выглянул паж и, за неимением воды, окатил девушку остатками апельсинового сока. Несильно пнул под ребра.

– А вот теперь можешь орать, – скорее догадалась, чем услышала я. – Быстро вниз и приведи кого-нибудь!

Обезумевшая служанка, оступаясь на крутой лестнице, рванула вниз, захлебываясь криком и слезами. Загрохотала по каменным ступеням княжеская стража, потом прибежал кастелян, и, наконец, в башню поднялся сам князь в окружении малой свиты.

Тимар рухнул перед ним на колени, приложившись к руке, быстро заговорил.

Его светлость князь Луар, грузный мужчина с острыми усиками вокруг пухлых, по-женски капризных губ, обвел взглядом гнущихся в раболепных поклонах слуг, разбросанную у входа еду, переступил через ломти хлеба и ветчины и шагнул в распахнутые двери. Вышел быстро, не прошло и минуты, зажимая нос и рот кружевным платком. Что-то невнятно пробурчал и, не оглядываясь, сбежал вниз, оставив вместо себя лорда с химерой на гербе.

Вот только Химера совершенно не проявлял должного рвения, лишь мельком заглянул в спальню, в остальное же время его сухощавая фигура прогуливалась туда-сюда по гостиной. Его даже мертвецы не смущали, он равнодушно перешагивал через тела, как через бревна, а я недосчиталась одного из стражников.

Тогда я еще не знала, что Химера прочно сидит на крючке у моего нынешнего хозяина, а из Леса – ну надо же, как вовремя! – вышли два снежных великана, и у княжеского мага нашлось более важное занятие, чем проверка остаточных аур

на вельможном трупе. Тем более что убийцы – вот они, лежат, родимые, и, за отсутствием некромантов, никуда не убегут.

Я просидела взаперти до темноты, то подглядывая в замочную скважину, то посматривая в окно, забранное частой решеткой. Хотелось кушать, но еды не было. Глупый живот! Как ни корми его – все равно на следующий день попросит еще… Было бы здорово наесться один раз, а потом целый месяц не переживать об обеде. Говорят, так только драконы умеют.

Воды я попила из кувшина для умывания. Потом намочила край подола и стерла кровь с лица, груди, рук. Мебели в комнате почти не было – только низкая кровать напротив очага, стул и сундук с плоской крышкой. На лежанку с разбросанной на ней одеждой я сесть не решилась, угнездилась на сундуке – время от времени вороша красноватые угольки в камине и проговаривая про себя благодарности Светлым.

Что будет со мной дальше – я не знала. И даже не загадывала после тех глупостей, что навыдумывала себе о графе. Знал отца, решил помочь, как же! Вон, помог – покосилась я в мутноватое зеркало. Губа распухла, покрылась корочками, при попытке что-то сказать сочится сукровица. Все горло – сплошной синяк, как не задушил только… Хорошо, что новый граф не похож на своего брата. Совсем ничем, кроме цвета волос. И смотрел он на меня не как на лакомое блюдо, вспомнила я пронизывающий льдисто-холодный взгляд, а как Магда на новые котлы. Расчетливо. Если сразу не убил – значит, решил, что я ему могу пригодиться.

И что такое флер?

Услышав звук поворачивающегося ключа, я вскочила, вытянулась в струнку. Мучнисто-бледный Тимар в изнеможении опустился на постель, и даже в тусклом свете очага были видны темные круги под его глазами. На левой ноге белела наспех наложенная повязка.

– Помоги сапоги снять, – буркнул он, сбрасывая с кровати одежду.

Несмело приблизившись, я стянула с парня обувь, аккуратно поставила ее рядом.

– И бриджи.

Услышав про штаны, я шарахнулась в сторону, вжимаясь в стену.

– Да не будь ты дурой, – проворчал парень, разматывая бинт. Зашипел, когда пришлось рвануть ткань. – Во-первых, ты мелкая еще, а во-вторых, совершенно не в моем вкусе. Тяни давай, мне наклоняться больно.

Потупившись, я помогла ему раздеться, сложила одежду на стул. Снова застыла в ожидании приказаний. Как себя вести, я не знала и потому придерживалась единственно знакомой линии – помалкивать и выполнять.

– Ты шить умеешь? – спросил парень, набросив на бедра простынь.

– Да, господин.

– Чудненько. Тогда завтра выстираешь штаны, зашьешь их, ну и у рубашек кружева-пуговицы поправишь. Там, в сундуке, нитки, иголки и мыло.

В дверь постучали.

– Открой, – велел парень.

Вошла давешняя служанка с подносом и слуга с ведром кипятка. Поклонились и исчезли.

– Помоги рану промыть, – попросил Тимар. – Под кроватью таз.

Кивнув, я наполнила таз до половины холодной водой, наклонив ведро, плеснула кипятка и осторожно стала вытирать запекшуюся кровь. Время от времени паж ругался сквозь зубы, и я замирала испуганным зайчонком.

– Да что ты жмешься, не собираюсь я тебя бить, – проворчал парень. – Заканчивай скорее.

Я промокнула узкую, в два пальца длиной, рану мягкой тканью, выуженной из сундука, смазала найденной там же настойкой прополиса и забинтовала. Тимар хмыкнул при виде того, как старательно я завязываю бантик.

– Возьми бутерброд, – показал глазами на поднос паж. Сам без аппетита поковырялся в тарелке с рагу, выпил эль и улегся.

– И чтобы из комнаты завтра – ни шагу, – зевнул он, засыпая.

Я грызла мясо и мягкий сыр на огромном, во весь каравай, ломте хлеба. Оставила половину, завернув в салфетку, и положила на подоконник. Тихо ступая, вылила воду из медного таза в раковину, поставила его у стены и легла на сундук. Жесткий, но вполне удобный, если подложить ладонь под голову. В окно по-прежнему стучала так и не унявшаяся за сутки метель, а легкий сквозняк шевелил выбившиеся из плетения соломинки циновок на полу.

Когда я проснулась, в комнате никого не было. Высунула нос из-под одеяла, потянулась. Погладила мягкую шерсть, укутавшую меня теплым облаком. Вспомнила, что видела это одеяло на кровати Тимара. Неужели он меня укрыл? Хотя больше некому…

Я побрызгала на лицо ледяной водой, поскребла морозные наледи на стекле, поворошила уголья в камине и даже подкинула туда пару поленьев из появившейся вязанки. Вскоре огонь весело затрещал, а я поставила таз с водой на решетку – греться. Неудобно, горячо, но ослушаться Тимара, приказавшего сидеть в комнате, даже в голову не пришло. Кровь с бриджей отстиралась неожиданно легко: сиреневое мыло зашипело на пятне, растворяя его, а потом быстро смылось водой. Я с уважением погладила горшочек: бытовая магия – это вам не жженые стебли подсолнечника.

С шитьем дело обстояло хуже. Мои умения ограничивались лишь латанием лохмотьев, которые я сшивала грубыми стежками, а тут – полдюжины тонких льняных рубашек. Я подшивала кружева и отпарывала их, снова пришивала, пытаясь имитировать аккуратную строчку портного. Заодно припомнила все слова, которыми Магда награждала помощников за нерасторопность. С четвертой или пятой попытки у меня, наконец-то, получилось более-менее прилично. Правда, к этому времени уже стемнело; за весь день я героически отремонтировала целый рукав и кое-как стянула нитками испорченное на груди

платье. Вернувшийся Тимар, пока я помогала ему промыть рану, все поглядывал на крупные стежки, спорившие размером со шнуровкой, а на следующий день принес мне простую, немного поношенную, но от этого не менее чудесную солнечно-желтую тунику из крашеной шерсти, теплые чулки и чуть великоватые башмаки на толстой подошве.

Княжеский замок мы покинули через два дня.

Глава 7

Ранним утром я проснулась от тихого голоса Тимара.

– Да, господин. Я все понял.

Высунула голову из-под одеяла, с молчаливого согласия пажа перекочевавшего на сундук, вопросительно посмотрела на хмурого парня, крутящего на пальце перстень.

– Мы уезжаем, – поднялся с кровати Тимар. Ругнулся, схватившись за ногу. – Брыгово се…! – не договорил.

Дохромал до двери, предупредил стражников, караулящих запертые графские покои, об отъезде.

– Очень больно, господин? – спросила я, укладывая скарб в два кожаных мешка, в которых, при желании, могла бы поместиться сама.

– А ты как думаешь? – огрызнулся он. Даже веснушки побледнели.

Вздохнул, примирительно заговорил:

– Лира, если кто спросит – ты моя младшая сестра по отцу. Ясно?

– Да, господин.

– На людях – брат или Тимар.

– Я поняла.

– Отлично, – улыбнулся он уголком рта. – Хоть ты и не похожа сейчас на кухонную замарашку и пахнешь получше, но все еще являешься собственностью князя Луара, и вывозить тебя из замка…

– Я не собственность! – вскочила я. – Мой папа был… То есть он рыцарь!

Парень вздохнул.

– Ты когда его последний раз видела? Год назад? Два? Неужели ты думаешь, что он еще жив? А документы, подтверждающие право на имя, у тебя есть?

– У меня клейма служанки нет!

– Родовой татуировки тоже, – отрезал Тимар.

– Я не рабыня, – всхлипнула я, цепляясь за иллюзию свободы. – Не собственность!

– Не реви, – поморщился юноша. – Вот чего терпеть не могу, так это девчачьих истерик. Собирай вещи, – скомандовал он, натягивая камзол.

Когда я запихнула все, включая свечные огарки, в дорожные сумки, паж попробовал их поднять, скривился и, ссыпав горсть меди на ладонь стражника, приказал отнести баулы вниз.

По лестнице Тимар спускался медленно, очень медленно, и я впервые задумалась, чего ему стоили последние три дня, когда бегать вверх-вниз приходилось как заведенному. Уже и графские сундуки спустили, и слуги все собрались во дворе, а мы все шли, и шли, и шли, делая перерывы после каждого пролета.

Наконец ступени кончились, а Тимар отпустил мое плечо, которое использовал вместо костыля. Закусил губу почти до крови и бодро шагнул на свежевыпавший снег. Метель, наконец, уснула, но колкие, острые льдинки больно жалили кожу. Я поежилась, порадовавшись теплой одежке, и потрусила за парнем, вцепившись в край его плаща.

А он, будто и не болит ничего, порхал, как фейрис, перемигиваясь с фрейлинами, низко кланяясь леди, возвращавшимся с прогулки.

– Вы нас покидаете, молодой человек? – спросила пожилая дама в темном шерстяном плаще без капюшона.

Тимар почти переломился в поясе, целуя руку, вынутую из муфты.

– Да, госпожа. – Его голос понизился, стал скорбным. – Виконт Йарра сегодня к вечеру прибудет в Луар за телом брата. Слуг, и меня в том числе, отзывают.

Навострив уши, я выглядывала из-под плаща. Ну надо же, как заворачивает: «Виконт Йарра», «к глубочайшему сожалению»!.. А совсем недавно отнюдь не стеснялся называть короткостриженого графом!

– Разве виконту не потребуется оруженосец? – недоверчиво спросила старая леди. А потом оперлась на Тимара. – Проводите меня к лестнице, юноша, и заодно расскажите, кто этот чудный ребенок у вас под плащом. Ну и подробности нападения на графа, конечно.

Фрейлины притихли, а у меня аж сжалось все, когда я представила, как больно сейчас Тимару – старая ведьма оперлась именно на левую сторону.

– Мне нечем похвастаться, госпожа Рушо, – монотонно заговорил парень. – Граф мертв, я ранен. На него, спящего, подло напали наемники из Рау. Я же услышал шум слишком поздно и смог только отомстить за смерть своего сюзерена.

Старуха, кожа которой под слоем пудры казалась маской, остро посмотрела на Тимара из-под нависших век.

– Но как рау смогли попасть в башню, минуя стражу?

– Через окно, – быстро ответил паж. – На подоконнике остались следы крючьев…

Так вот почему его кинжал весь в зазубринах!

– …а уж как они смогли просочиться в замок, я не знаю. Об этом следует спросить княжеского мага. Как и то, где он был, когда граф истекал кровью! – гневно выкрикнул Тимар и сразу извинился. – Простите, леди Рушо, но граф заменил мне отца… Нам заменил, правда, Лаура? – вытащил он меня за шкирку вперед. – Лаура Орейо, моя сводная сестра.

– Лизарийка? – брезгливо пропищала какая-то леди в беличьем берете.

– Всего на четверть, – вскинулся Тимар. Даже я поверила, что он меня защищает.

– Вы похожи, – прищурилась госпожа Рушо. – Сколько тебе лет, девочка?

– Шесть, госпожа, – ответила я. Улыбнулась, сделала книксен, и, смутившись, обняла Тимара за ногу. Как раз макушкой до бедра достаю.

Видимо, все правильно сделала. Парень погладил меня по волосам, прикрыл плащом. Фрейлины, не получившие приказа «Фас!», перестали натягивать поводки, изощряясь в насмешках надо мной, и заскучали, семеня к лестнице и шмыгая покрасневшими от мороза носами.

– Как ваша нога, молодой человек?

– Спасибо, заживает, – поблагодарил Тимар. – Думаю, ничего серьезного.

– У лекаря были?

– Не хватило времени, – сбросил челку с глаз парень. – Покажусь ему уже дома.

Старуха кивнула каким-то своим мыслям.

– Ну что же, юноша, – остановилась она у подножия парадной лестницы, присыпанной, чтобы не поскользнуться, песком. – Благодарю вас за беседу и

любезную помощь. Хорошей дороги.

Тимар поклонился ей в спину, а меня прямо подмывало наступить на длинный черный шлейф старухиного платья.

Послав несколько воздушных поцелуев фрейлинам, Тимар повернул к конюшне. И только там, скрывшись от посторонних взглядов, дал себе волю – лицо сморщилось от боли, а сам он сполз по двери в стойло, пытаясь сдержать слезы.

– С-сука старая, она же специально давила на больную ногу, – пожаловался он. – И все допрашивают, вынюхивают, пытаются подловить…

Я, не зная, что на это сказать, молча гладила парня по плечу и вспоминала Джайра. Того я тоже когда-то жалела после взбучки, а потом он устроил на меня травлю.

Сделав несколько глубоких вдохов, Тимар поднялся, вывел каракового коня из стойла, оседлал. Конь протяжно заржал, ткнулся в шею парню мягкими губами. Тимар погладил его по носу, угостил кусочком сахара, потом подвел к лесенке, которую использовали дамы, и, взобравшись на нее, перебросил больную ногу через седло. Поерзал, усаживаясь удобнее.

Глядя на него снизу вверх, я прикоснулась указательным пальцем к щеке, показывая на нестертую слезинку. Парень поблагодарил меня кивком, тронул коленями конские бока.

– Не отставай.

Нас ждали. Караван из четырех саней, в трех – вещи, на последних – служанки, был окружен графской стражей, потягивающей чиар из деревянных кружек.

Тимар ткнул пальцем в первые сани.

– Забирайся.

Возница недовольно потеснился.

– Дай ей шкуру, Броккс, – приказал парень и встал во главе отряда рядом с всадником с командирскими нашивками.

– По коням!

Ворчащий в бороду возница в тулупе, кисло пахнущем овчиной, откинул крышку короба за спиной, вынул старую, побитую молью до самой мездры медвежью шкуру и укрыл меня с головой. А пока я, барахтаясь, выбиралась, сани тронулись, проскрипев полозьями по гравию под внутренней стеной замка.

Вот проплыла мимо кухня, на которой я прожила последние два года, остались позади казармы и плац, смотровая башня, внешняя стена с марширующими по ней караульными. Их доспехи тускло блестели под неярким, прячущимся за тучами солнцем. От рва с бурлящей, несмотря на мороз, водой пахнуло серой, а потом порыв пронизывающего, не сдерживаемого больше стенами ветра сдул тяжелые клочья пара, бросил в лицо горсть колючих снежинок, заставив плотнее закутаться в шкуру. Дорога пошла вниз.

Светлые, всего четыре дня назад, а кажется, в другой жизни, я встретила графа, так резко и больно изменившего привычный ход событий. К лучшему ли?

– Что ты крутишься, – буркнул Броккс, когда я завозилась, усаживаясь спиной вперед.

– Простите, господин, – прошептала я, провожая глазами гранитную цитадель, сливающуюся с тяжелыми низкими тучами.

Глава 8

Я проснулась от того, что Тимар тряс меня за плечо. С трудом подняла набрякшие от выплаканных слез веки – все-таки разревелась, когда ущелье повернуло и замок скрылся из глаз. Там я была худо-бедно накормлена, пристроена, да и повариха меня жалела, подсовывая куски, хоть и не вступала в прямые столкновения с матерью. А теперь?.. Вот и всхлипывала от жалости к себе, пока не уснула.

– Держи.

Парень сунул мне обжигающе-горячую металлическую кружку, кусок сыра и яблоко.

– Захочешь облегчиться – далеко не уходи. После метели здесь опасно. И не шуми.

Я согласно закивала, разглядывая нависшие над головой горы. Бело-синие, хищные, мерцающие вмерзшим в трещины льдом, они изводили, затаптывали частыми обвалами хилые деревья и бодылья кустарника, едва заметно вибрировали, грозя обрушить на нас лавину.

Две служанки, опасливо поглядывая вверх, возились у костерка, раздавали чиар и хлеб с сыром, третья, сипло дыша и кашляя, лежала под грудой шкур. На больную старались не смотреть – воспаление легких в дороге равносильно приговору.

На меня тоже не обращали внимания. Демонстративно не обращали, но спиной я чувствовала неприязненные взгляды. И если в жизни служанок мало что поменяется, то в том, что отряд расформируют, сомнений не возникало. Хорошо, если оставят в замке, разделив по одному-двум среди других двадцаток. Хуже, если отправят для охраны рудников, и совсем плохо, если к Лесу, Зов которого мало кто мог побороть, и люди пропадали. Иногда просто исчезали, отойдя всего на десяток шагов от тропы. Иногда, глядя прямо перед собой безумными глазами, разворачивались и шли к деревьям, не реагируя на окрики. И даже будучи связанными, извивались, пытаясь уползти в чащу. Жуть.

Стоянки длились недолго, от силы полчаса, и сани снова ползли по извилистой дороге вверх, объезжая брошенные древним ледником валуны. Горизонт отодвигался, и холодное солнце, издеваясь, выглядывало из-за скал. Яркое, оно совсем не грело. И ветры, ледяные ветры на вершинах, острой крошкой пытающиеся снять скальп с неприкрытой головы. Я укутывалась в шкуру, оставив узкие щели для носа и глаз, и смотрела на орлов, кругами поднимавшихся к облакам. Не ездовых, диких, младших братьев тех крылатых монстров, что курлыкали в тщательно охраняемом орлятнике на подветренной стороне замка.

К острым пикам мы, конечно, не поднимались. Туда вели тропы, по которым носились только горные козы и безумцы, собирающие их линялый пух. Резко сужающаяся дорога шла вдоль обрыва, всадники и возницы спешивались, завязывали глаза лошадям и медленно-медленно вели их, прижимаясь к каменной стене. Стальная оковка саней противно взвизгивала, задевая гранит, лошади храпели, а я с опаской поглядывала вниз, на морозный туман, клубящийся на дне.

Потом дорога начинала понижаться. Разбойник-ветер постепенно стихал, дышать становилось легче, а вот пробираться сквозь сугробы – сложнее. Местами кони проваливались в снег чуть ли не по брюхо. Амулеты, защищающие лошадиные ноги от острого наста, разряжались быстро, их экономили, как могли, активируя лишь на самых опасных участках. И снова вверх…

Места для ночевки начинали высматривать через пару часов после обеда. Искали подветренную сторону с ровной площадкой перед ней, однажды остановились в пещере. Ночь наступала быстро. Еще несколько ударов сердца назад я вполне могла пересчитать горные пики впереди, и вдруг резко становилось не видно ни зги. Правда, к этому времени уже обычно весело потрескивал костер, разгоняя темноту, а служанки тихо возмущались тому, что Тимар избегал деревень. Солдаты ругались громче, их командир даже пытался спорить с пажом, но тот просто протянул ему амулет связи, предложив высказать все претензии виконту. Сплюнувший в снег капитан зло уставился на юношу, а потом, выматерившись, пошел вразнос, раздавая оплеухи – одному за потерявшего подкову коня, другому за слабый запах сивухи. Тимар презрительно ухмылялся.

Хуже всего был волчий вой по ночам. Или не волчий. Крупные пятипалые следы вокруг охранного контура появлялись из ниоткуда, я клянусь, на границе освещенного пространства никого не было! Только снег скрипел – хруп! Хруп! Хруп! И шумное сопение. И клубочки пара на высоте двух человеческих ростов… Лошадям подмешивали что-то в воду, от чего они становились вялыми на несколько часов и никак не реагировали на происходящее. Служанки зажимали уши и молились Светлым, солдаты пересмеивались, но на подначивание выйти за круг, отливающий зеленым, крутили пальцем у виска. В первую ночь, когда пришли Горные Духи, я не спала, сидела сусликом, завернувшись в шкуру, и клацала зубами от ужаса. И во вторую. А на третью, когда охранный контур вдруг растянулся от напора снаружи и истончившаяся зеленая линия оказалась в паре локтей от меня, я завизжала и бросилась к Тимару. Сбившиеся в кучку

вокруг костра служанки стенали, солдаты ощетинились посеребренными копьями, а контур растягивался все сильнее и сильнее.

Но выдержал.

Со звоном лопнувшей струны снова стал круглым, а на наметенных сугробах в стороне образовалась огромная вмятина от упавшего невидимки. Тимар, сжимавший амулет, облегченно выдохнул, чмокнул меня в макушку. Я ревела в голос, обнимая его колено. Парень вздохнул, погладил меня по волосам и уложил рядом на прикрытый шкурами лапник. Кажется, даже что-то напевал, укачивая.

Весь остаток путешествия я ночевала с ним, крепко держа насмешливо улыбавшегося парня за поясной ремень. Старалась быть полезной, чтобы не прогонял, – сваливала в кучу еловые ветки для лежанки, носила плошки с горячей кашей и чиаром, топила снег для умывания, забираясь на валуны, помогала растирать коня. Думаю, получалось. Хоть я и была назойливой и поначалу больше мешала, чем помогала, Тимар ни разу меня не оттолкнул. Объяснял, как нужно ухаживать за лошадьми, рассказывал смешные истории перед сном, придерживал меня в седле, когда я попросилась ехать с ним. Даже поводья давал держать, все равно умный Звездочет, идущий в первой четверке, сам выбирал дорогу.

Спустя восемь дней умерла больная служанка. Ее захлебывающийся кашель в хвосте каравана становился все глуше и наконец стих. Хоронить ее не стали – кому охота долбить мерзлую землю? Тело завернули в шкуры и положили в яму от вывернутой бураном лиственницы, прочитали молитву, помянули. К утру тело исчезло, остались лишь глубокие пятипалые следы вокруг ямы.

Еще через неделю мы пересекли границу графства, отмеченную рощей айлантов, тянущих к хмурому небу голые ветки. В узкой долине было заметно теплее, снега больше, но это уже мало кого волновало. Настроение солдат поднялось, они расслабились, перебрасываясь похабными шуточками со служанками, и даже вечно хмурый капитан их уже не одергивал, позволив себе пригубить коньяк из фляжки.

А вот Тимар был похож на снежные тучи, затянувшие небосвод. Упрямая складка между бровями, дергающийся уголок рта, ответы невпопад. Как тогда, когда он

расспрашивал меня об отце. Что-то мучило его, а что – я не понимала, лишь усерднее помогала ему, не позволяя напрягать больную ногу, и помалкивала.

Тем вечером мы стали на привал позже обычного. Вдали виднелись огни шахтерских поселков, а значит, к концу недели мы доберемся до замка. Солдаты стреноживали коней и, принюхиваясь к запаху надоевшей похлебки, мечтали о куске мяса. Жирном таком, поджаристом. Капитан ставил охранный контур, последний в нашем путешествии, женщины ушли собирать лед к замерзшей реке, я растирала спину Звездочета, рассказывая, какой он красивый и умный. Жеребец согласно фыркал. Все как обычно.

…кроме Тимара, который, скособочившись, чтобы не давить на больную ногу, грел руки у костра. Красный камень перстня на среднем пальце рассыпал розовые блики.

– Скоро уже будем дома, – мечтательно протянул парень, прихромав ко мне. – Как же я соскучился по ванне… И нога болит, спасу нет.

– А что будет со мной, господин?

– Да что с тобой будет, – махнул рукой паж. – Хуже, чем в княжеском замке, точно не станет. Подкормят, работу несложную дадут, может, в пансион отправят.

– А что такое флер?

– Флер… Как бы тебе объяснить… Привлекательность, наверное. Вырастешь – красоткой будешь, – щелкнул он меня по кончику носа. – Давай ужинать и спать, завтра тяжелый день.

– Хорошо, господин, – кивнула я.

Тоже мне, счастье! «Красоткой будешь!» Знаю я, что бывает с красотками… При воспоминании о ночи в графских покоях меня передернуло. Лучше бы я мальчиком была! Или уродом… Хотя нет. Уродом быть не хочу, лучше просто мальчишкой.

Замечтавшись, я не заметила вытянутой ноги Тимара, споткнулась о нее и, не удержавшись, шлепнулась в снег, вывалив кашу на пажа.

– Дура неуклюжая! – рявкнул парень, отряхивая разварившуюся перловку со штанов. За ухо поднял меня с земли, выдернул хворостину из кучи веток для костра и потащил за валуны.

– Простите! – пыталась я заглянуть в усталые глаза. – Простите, господин, я не хотела!

– Криворукая мартышка! Ты хоть иногда смотришь, куда прешь?!

Тимар толкнул меня в снег, свистнула хворостина. Тихо вскрикнув, я закрылась руками и заплакала. Он же знает, что я не виновата, сам выставил ногу, когда я уже сделала шаг! Но сказать это вслух не осмелилась.

А потом поняла, что боли нет. Все еще ругаясь, Тимар порол каменную стену, закрывавшую нашу стоянку от ледяного ветра, спускавшегося в низину.

Подмигнув и приложив палец к губам, парень швырнул плетку в снег.

– Без ужина останешься! – гаркнул он напоследок и зашагал к костру.

– Господин, каша еще есть, – неуклюже, от вороха натянутой одежды, поклонилась служанка.

Тимар брезгливо поджал губы.

– Еще я объедками не ужинал, – фыркнул он. – Дай мне сыра и хлеба.

Отряхивая снег, я вышла к костру.

Броккс, тот самый возница, с которым я ехала вначале, протянул мне кусок разваренной оленины, но не успела я поднести его ко рту, как в лицо ударил тяжелый снежок.

– Я сказал, без ужина.

Понурившись, я ушла к саням. Спать с этим предателем не хотелось, лучше мерзнуть среди сундуков. Завернулась в ставшую уже родной шкуру, отвернулась от костра, вглядываясь в темноту. Далеко впереди мигала яркая цепочка огней, в ноздри упрямо лез запах разваренной в мясном бульоне перловки. Может, еще раз прощения попросить?

Не стану. Вряд ли меня будут голодом морить, если столько везли. Но почему же Тимар не хочет, чтобы я ужинала именно сегодня?

Ответ я узнала утром, когда из двадцати семи человек в живых остались только я и паж.

Ночью шел ледяной дождь, стучал по пологу, укрывавшему графское добро и меня в санях, и теперь я с ужасом смотрела на покрытые прозрачной корочкой лица служанок, солдат, возниц. Кони, уже пришедшие в себя от ночного зелья, храпели и ржали, звеня удилами. Тимар рылся в сундуках, сгребая в одну сумку документы и драгоценности.

– Почему?! – не выдержав, налетела я на него. – За что ты их убил?!

Парень схватил меня за кисти, не позволяя царапаться, прижал к животу. Я кричала и билась в его руках, пока не кончились силы. Потом затихла, всхлипывая.

– Я должен был это сделать, – тихо сказал Тимар, гладя меня по волосам. – Они знали, кто на самом деле убил господина Стефана.

– Это все, – задохнулась я, – все из-за меня?!

Я почувствовала, как паж кивнул.

– Из-за флера?

– Нет. Хотя и из-за него тоже. Ничто не должно запятнать репутацию рода Виоре. Если правда выплывет, господин Раду не отмоется. Можно интриговать,

можно убивать врагов, можно пытать пленных, но развлекаться с маленькими девочками на виду у послов Арааса – это пахнет безумием. А кто поручится, что оно не наследственное?.. Человека, подозреваемого в сумасшествии, никогда не допустят в Совет Четырех.

– Это не безумие, а флер…

– Флер не простуда, его по соплям не распознаешь, – со смешком протянул мне какую-то тряпку Тимар. – Высморкайся. Так вот, увидеть флер может только очень сильный маг. Княжеский бы не смог. Успокоилась?

Я замотала головой, вцепившись в его пояс. Солнце встало, и видеть блестящие от подтаивающего льда лица трупов было страшно.

– Просто не смотри на них.

Тимар закинул сумку за спину, приволакивая ногу, пошел ко вторым саням. Вытащил оттуда мешок с вяленым мясом, бросил к нему несколько сухарей. Я шла за парнем, уткнувшись лицом в его плащ.

– Помоги, – попросил паж. – Ты распутывай лошадей, я буду привязывать их к веревке. Нельзя их бросать.

– Их не нужно напоить?

– Некогда, – махнул головой парень. – Охранный контур я ставить не умею, не доберемся до людей к ночи – нас сожрут.

Вот уж порадовал.

– Господин?

– Что?

– Почему вы мне все рассказали?

– Потому что ты умная девочка и, зная в чем дело, не сболтнешь лишнего.

Тимар навьючил сумки на Звездочета, посадил меня на коня. Кряхтя, сам забрался в седло и тронул поводья, ориентируясь на столбы сизо-черного дыма угольных шахт. Сунул мне кусок мяса.

– Господин?.. – спросила я, спрятав еду в рукав.

– Да?

– А что такое Араас?

– Империя, с которой мы только-только начали завязывать дипломатические отношения, – ответил Тимар и пояснил: – Таких, как лорд Стефан, там оскопляют. Представляешь, какой был бы скандал, узнай послы о выходке близкого друга князя?

Я понятливо кивнула.

– Господин?

– О боги, ну что еще?

– А сколько вам лет?

– Семнадцать. Еще вопросы будут?

– Нет, простите…

Глава 9

До охранного контура вокруг бараков с шахтерами мы добрались вовремя. Влетели на пустую уже улицу, освещенную скупым светом масляных фонарей, оставив за спиной двух умертвий, привязавшихся к нам – с ума сойти! – в

середине дня. Мерзкие твари, казалось, совсем не двигали конечностями, избегали освещенных участков, и тем не менее не отставали. А когда мы проезжали короткий, всего в пару десятков шагов, тоннель, прорубленный в скале, сзади раздался торжествующий визг и противное хлюпанье.

Наша упряжка стала короче на двух лошадей.

Помню, коней даже не требовалось погонять, они летели чуть ли не быстрее нагруженного нами Звездочета – их удерживала только веревка, скрепляющая уздечки, и остатки доверия к людям.

– Может, отстанут, – пробормотал Тимар.

Но когда кони снова завизжали, а веревка натянулась, бессильно выругался.

Я сидела, вцепившись в гриву Звездочета скрюченными от сырого ветра пальцами. Местами кожа стала синюшной, но боли я не чувствовала, понимая, что, если начну падать, Тимар при всем желании меня не удержит. И даже если я не расшибусь о камни, то остановка будет смерти подобна. С каждым гаснущим лучом умертвия двигались все быстрее, становились все нахальнее.

Я не сразу поняла, что безумная гонка, наконец, закончилась – только полыхнуло зеленым за спиной да разнесся противный запах паленых волос – одно из умертвий собрало себя из женщины.

Тяжело дышащий Тимар отпустил поводья, позволил коню перейти на шаг.

Впереди зазвонил, забил колокол, и обманчиво-тихая деревушка вдруг ощетинилась копьями и арбалетами.

– Кто такие? – вышла из полумрака темная фигура.

– Тимар Орейо, оруженосец лорда Стефана. С подопечной. – Чуть сдвинул рукав, и на запястье мигнула серебряным татуировка Младшего Рода.

Говоривший сразу сбавил тон.

– Добро пожаловать, господин Орейо. Ужин? Постель?

– И корм лошадям, – кивнул парень. Спешился.

Капитан гарнизона, он же управляющий, дал отмашку, отпуская солдат. Несколько человек сразу подошли к лошадям, кто-то побежал вперед с приказом об ужине.

– Я могу спросить, где остальной отряд?

– На нас напали хлады. Выжить удалось только мне и Ли… И Лауре.

– Хлады? – поразился управляющий. Даже остановился, приподняв факел. В желтовато-красном свете я разглядела высокий лоб над крючковатым носом.

Тимар презрительно скривился.

– Капитан, у вас на дороге умертвия маршируют! Будьте уверены, я обо всем доложу виконту, а стоимость трех лошадей, которых они заели, будет вычтена из вашего жалования!

После такой отповеди с нами больше никто не заговаривал.

Жена, а может, и любовница капитана встретила нас на пороге двухэтажного дома, рассыпалась в приветствиях, но, натолкнувшись на суровый взгляд мужа, замолчала. Полила нам на руки горячей воды, расставила на столе тарелки с холодным мясом и рагу, лепешки. Сидр для Тимара и чиар для меня.

– Прикажете приготовить госпоже отдельную комнату?

Я замотала головой, и Тимар, устало улыбнувшись, отказался.

Излишней чистоплотностью я тогда не страдала и уснула, едва голова коснулась подушки. Вымывшийся в тазу Тимар покачал головой и подоткнул вокруг меня одеяло.

– Дикарка, – не то послышалось, не то приснилось мне.

Той ночью ко мне впервые пришел граф.

– Здравствуй, Ли-и-ира. – И тяжелое дыхание, переходящее в хрип.

Я сижу в углу спальни, прямо под открытым окном, и морозный ветер развевает передо мной тонкие газовые занавески.

– Ли-и-ира-а-а… Где ты, малышка…

Его ноги не двигаются, но граф перемещается по комнате, сжимая в руке серебряную лилию. Я вижу распахнутую дверь за его спиной, понимаю, что надо бежать, прямо сейчас, пока он стоит вполоборота и смотрит на кровать, больше похожую на алтарь для отпевания мертвых. Но ноги не слушаются, я не могу даже пошевелиться, а он все ближе, ближе, ближе…

– Ли-и-ира-а-а…

Я проснулась от собственных воплей, перебудив весь дом.

Подскочивший Тимар, выхватив кинжал, стоял в боевой стойке, выискивая опасность, хлипкая дверь тряслась от стука, а я, сорвав голос, продолжала сипеть, не понимая, где сон, а где явь.

Не помню, что говорил Тимар взволнованным хозяевам, как успокаивал меня, как тряс, будто куклу, заставляя вынырнуть из липких объятий кошмара. Ужас не прошел, просто в какой-то момент я начала соображать, что подо мной не пол, а постель, перед носом не туманные гардины, а побледневшие веснушки Тимара, графа нет, он мертв, а я жива. И даже его умертвие меня не достанет, потому что тело уже отпели.

– Прости, – прошептала я, вцепившись в руку парня.

Он даже не заметил, что я обратилась к нему на «ты», гладил по волосам, вытирал слезы ладонью, чуть жестковатой от мозолей.

– Что тебе приснилось?

– Он.

Тимар как-то сразу понял, кого я имела в виду.

– Он больше ничего тебе не сделает. – Паж сжал мое лицо между ладонями. – Понимаешь? Ни-че-го. Он умер, его больше нет. Не плачь, маленькая.

Я кивала, соглашаясь с ним, и комок в горле таял, позволяя дышать, а не хватать воздух, как вытащенной на берег рыбе.

Утром жена управляющего заварила мне какой-то успокаивающий сбор, пахнущий полынью. Горький до ужаса. Я хлебнула и отставила, скривившись. Тимар прыснул, увидев мою перекошенную физиономию, и, наверняка из вредности, заставил все выпить и даже в дорогу попросил приготовить эту настойку. А потом, помявшись, спросил, нет ли чего обезболивающего.

– Дальше дорога будет безопасной.

Звездочет шел неторопливой рысью, Тимар покачивался в седле, а я, завернутая вместо облезлой шкуры в плащ, разглядывала окрестности. Мне, привыкшей к скалам вокруг княжеского замка, было странно наблюдать холмы и низины. Горы тоже были, но вдалеке. Они окаймляли долину – не то защищали ее, не то, наоборот, брали в кольцо. Снег превратился в грязь, чавкающую под ногами коней и колесами встречных повозок. Мы проезжали мимо хуторов и шахтерских деревень, я даже видела стены городов. Ночевали в домах рыцарей, свободных от службы, либо у отслуживших уже ветеранов, получивших хлебную должность, и везде нас встречали если не с радушием, то с почтением точно. Иногда дарили подарки, сопровождая их просьбой замолвить словечко перед новым графом Йарра. К моменту, когда на рукотворном холме показался замок, у меня было два новых платья, туфли, три пары сапог, новый плащ и две куклы. Тимар предпочитал принимать подарки в денежном эквиваленте.

– Ну как тебе? – спросил юноша, придержав поводья. – Жуткая безвкусица, правда?

Я замычала, пытаясь подобрать слова. Замок больше походил не на крепость, а на мятный пряник, облитый сусальным золотом. Белые колонны, увенчанные капителями, воздушные арки, нагромождение мостиков и декоративных зубцов, мраморная облицовка, даже рва не было – вместо него навесной мост шел над узким ручьем, местами покрытым пористым льдом.

Но намечающиеся перемены были уже налицо: визжали пилы, уничтожая парк, лазали по стенам рабочие, сбивая молотками наляпистые украшения и обрывая плети плюща; слева, в стороне от подъездной дороги, громоздились камни для возведения крепостной стены.

Где-то там, в этом пока еще пряничном домике живет маг с изменчивым прищуром узких глаз и его господин, так ненавидевший родного брата, что пощадил убившую его девчонку. «Ну ладно, пусть живет».

– Мне страшно, – призналась я Тимару.

– Не бойся, – щелкнул меня по носу парень. – Все самое страшное позади. Пошел! – толкнул он коленями Звездочета, посылая его в галоп.

Я подставила лицо почти по-весеннему теплому ветру, загадав: если первым, кого мы встретим, проехав ажурный мост, будет мужчина, то все будет хорошо. Честно говоря, хотела подкузьмить судьбу – ну кого еще, как не стражу, мы увидим у караулки? В крайнем случае, рабочих, роющих котлован для фундамента стены.

Внезапно Тимар натянул поводья, заставив Звездочета перейти на шаг вдоль обочины. Я удивилась – обычно дорогу уступали нам.

Выбивая копытами комья земли, навстречу неслась кавалькада всадников – вороные кони, развевающиеся за спинами плащи. Они даже не притормозили около нас, лишь мазнули равнодушными взглядами. А потом у скакавшего впереди свалился капюшон, и длинные рыжие волосы заструились роскошной волной, как хвост огневки.

Глава 10

Три года спустя

– Лаура, Синтия, Рина, Эли – на вас спальни для гостей. Убрать чехлы, проветрить комнаты, принести чистое белье, развесить гобелены, портьеры выбить. Ковры внесете последними. Комнаты, на дверных ручках которых я привязала пряжу, – для леди, туда ковры помягче и цветы в вазы. Все понятно?

Мы синхронно кивнули.

– Тогда за работу! До приезда князя осталось всего ничего! – Госпожа Миара, наша экономка, ушла, позванивая ключами на поясе.

На ней были праздничный обед и подготовка комнат для гостей, прибывавших в замок на праздник Излома Лета, и в общем-то спокойная женщина превратилась в фурию. Она носилась по замку не хуже родового призрака, бренчавшего кандалами в картинной галерее, появляясь в самых неожиданных местах и выплевывая задания быстрее новой модели арбалета, опробованной графом на прошлой неделе. Чем-то она напоминала мне старую Магду, повариху на низкой кухне в замке князя Луара. Такая же полная, с бьющей через край энергией и своей собственной справедливостью – могла надавать плюх за пролитое вино и, наоборот, прикрыть от наказания за разбитый сервиз.

– Ну что, девочки, разделимся или вместе? – спросила Рина. Симпатичная, смешливая, райана на три четверти, она была любимицей госпожи Миары.

Длинноносая Эли недовольно фыркнула.

– Да без разницы, что так, что так упашемся.

– Ой, ну надо же, работница, – сладеньким голоском пропела Синтия, – так устает, так устает… Спать по ночам надо, а не по казармам шастать! Как оно там, на постельной ниве жнется?

– Синтия! – возмутилась Рина.

Эли фыркнула, огладила ладонями бедра и новый пояс, густо украшенный колотой, местами чуть позеленевшей бирюзой.

– Красиво, правда? – усмехнулась она. – Не то что твои обноски. – И добила: – Дэрек подарил.

– Шлюха! – выплюнула побледневшая Синтия, тайком вздыхавшая по симпатичному пикинеру.

– Зато ты у нас праведница… – Эли завозилась, распахивая окно. – Носишься со своей девственностью, как курица с яйцом…

– Эли, хватит! – топнула ногой Рина. – Девочки, ну сколько можно?!

– А что такого? – удивилась Эли. – Она первая начала.

– Пойду за цветами, – процедила Синтия, хлопнув дверью – я, прятавшаяся в углу, аж подпрыгнула.

Ссоры этих двух служанок, чуть ли не дравшихся за любвеобильного Дэрека, давно стали притчей во языцех, и обычно домоправительница держала девушек как минимум на разных этажах замка – но сегодня нам с Риной не повезло. Эти двое весь день теперь будут переругиваться…

– Лаура, – присела передо мной Рина, – сними все чехлы с мебели и отнеси их в прачечную, потом поможешь мне мыть окна, хорошо?

– Хорошо, – тряхнула я недавно остриженными под мальчишку, чуть ниже ушей, волосами. Ох, и ругались Рина на пару с Тимаром, когда увидели, как я себя обкорнала! А мне просто надоело распутывать каждый день длинные пряди, которые, вдобавок ко всему, начали завиваться и выгорать на солнце, со спины превращая меня в настоящую райану. Когда же я оборачивалась… Цвет кожи и глаз, доставшиеся от матери, выдавали во мне лизарийку, и, введенные в заблуждение люди, чаще всего женщины, норовили обругать. Мужчины, наоборот, тянули руки потрогать косы или рассмотреть лицо.

Мужчин я не любила. Не боялась, нет. С тех пор как Тимар объявил меня своей сводной сестрой, меня не обижали, не били. Не смели. Но взгляды, что я порой на себе ловила, беспокоили – так же смотрел граф, когда я едва не сбила его с ног у княжеских конюшен.

…Кампанию по превращению себя в мальчишку я начала исподволь, сначала старательно убив несколько пар туфель в течение месяца. Портить хорошую обувь острыми камнями, которыми я ковыряла дырки, было до слез жалко, но я справилась, и плюнувшая госпожа Миара выдала мне мужские ботинки с тяжелыми подметками – мол, попробуй их порвать. Потом я сажала пятна на платья, несколько раз нарочно в них падала, пока Тимар не пригрозил одеть меня в штаны – чего я, собственно, и добивалась.

Последним штрихом были волосы, и я безжалостно обрезала их кинжалом. Увидев получившуюся «красоту», Тимар сначала обалдел, потом обругал, даже пару шлепков отвесил, а потом за ухо повел к куаферу госпожи Галии, чтобы хоть как-то сгладить торчащие во все стороны лохмы. Слова, услышанные от парикмахера, я рискнула повторить, только когда мне исполнилось пятнадцать.

С вечно чумазым лицом, с короткими волосами и в мальчишеской одежде, меня принимали за маленького пажа, часто посылая с поручением передать записку, приказ или просьбу.

В общем и целом, жилось мне неплохо. Даже хорошо. Нет, великолепно, по сравнению с княжеским замком. Организм, сообразивший, что еды хватает не только для поддержания жизни, резко пошел в рост – я вытянулась аж на четыре ладони, вечно сопливый от постоянных простуд нос перестал хлюпать, а колено, выбитое Джайром, наконец перестало болеть. Я ела как не в себя, поражая поваров, но оставалась тощей, как вобла. Госпожа Миара тайком посмеивалась – вся, мол, в брата. Тот тоже сухота девичья, и кожа бледная, и волосы, будто солнце поцеловало.

Тимар действительно стал мне братом. Он выправил документы, согласно которым я теперь именовалась Лаурой Орейо, и на левом запястье у меня появилась выпуклая искристо-белая татуировка. Момент нанесения знака Рода был единственным, когда я снова встретилась со змееглазым магом. Он внимательно осмотрел рисунок на руке Тимара и закрутил пальцем в маленький вихрь белый порошок в нефритовой плошке. Тонкий смерч поднялся над столом

и, замедляясь, принял форму приготовившегося к атаке тигра. Сибилл слегка подправил ему уши, усы, и маленький полосатый котенок прыгнул на мое запястье.

Тогда же маг протянул широкий браслет из серого металла, приказав не снимать.

– Амулет приглушит флер. Чем старше она становится, – змееглазый ни разу не назвал меня по имени, только «она», – тем ярче флер, а когда девочка созреет, у мужчин крышу сносить начнет.

Я сглотнула. Тимар крепко сжал мою руку, успокаивая.

– Благодарю, господин Сибилл. Сколько я вам должен за браслет и татуировку?

– Нисколько, – отказался маг. – Приказ хозяина.

«Хозяин». Это слово больно резануло по ушам, напомнив мне, по чьей милости я еще жива.

Раду Виоре, новый граф Йарра, большую часть времени проводил в разъездах. Дела Совета Четырех, военные походы, объезд своих и патронажных земель, а теперь еще и флот забирали все его время, позволяя проводить в замке от силы три-четыре месяца в году, заставляя беситься рыжеволосую Галию, его любовницу, вынужденную ждать его день за днем. Когда же Йарра приезжал, Галия преображалась, из мегеры превращаясь в пушистую кошечку, а я пряталась по углам, стараясь не попадаться ему на глаза.

Вот и сейчас, нагруженная пыльными чехлами, услышав резкий, отрывистый голос, нырнула обратно в комнату.

– Забыла что-то? – удивилась Рина.

– Там его сиятельство.

– И что? Ты же работаешь, а не гуляешь.

Я упрямо помотала головой, сквозь щель наблюдая, как по коридору неспешно шествовали граф и Галия, виснувшая на его локте. И только когда пара свернула на галерею, я побежала на задний двор.

За три года замок неузнаваемо изменился. Исчезла лепнина на потолке, которую я восхищенно рассматривала в первые недели, южные цветы и пальмы в кадках, требовавшие особого климата, переселились в оранжерею, многочисленные картины и статуи снесли на чердак и в подвал, оставив нетронутой лишь портретную галерею. Вместо магических шаров – дешевые свечи, вместо ковров-фризе – отполированная плитка пола, вместо бальной залы – оружейная, вместо сорока служанок, ухаживавших за всей этой хрустально-фарфорово-шелковой красотой, – семь человек, поддерживающих чистоту в жилых помещениях.

Зато замок нарастил два этажа вверх и один вниз, расширил территорию двора, на котором теперь размещался плац и казармы, некогда ровное турнирное поле покрылось ямами, столбами с натянутыми между ними веревками, насыпями, превратившись в полигон. Войско тоже выросло, правда, не в количестве. Граф лично фехтовал с каждым из солдат, и тех, кто не мог продержаться против него хотя бы пару минут, высылали для охраны окраин Леса. Сам Йарра творил с оружием что-то запредельное. Вот он стоит, худой, жилистый, с двумя кхопешами, и вдруг взрывается движением, столь быстрым, что глаз не может уследить. И его соперник, великан вдвое шире, оседает, не сразу понимая, что без мага больше не сделает и шагу – подрезаны сухожилия. Другое дело, что полезными ресурсами граф не разбрасывался – и гигант, сейчас молившийся на Йарру, закованный в доспехи, мог поднять на пике лошадь вместе со всадником.

Чихая от набившейся в нос пыли, я отнесла чехлы за оранжерею и начала выбивать их о столб, врытый для просушки белья; потом отдала прачкам. Ф-фух, еще несколько таких ходок – и мыться, а то Тимар по шее надает. Он такой, он может. Хорошо хоть ворчать по поводу мужской одежды перестал, это его «ты-же-девочка» раздражало неимоверно. Но парень и сам понимал, что мне лучше оставаться неприметной замарашкой неопределенного пола, и только, со вздохом, помогал смазывать руку под браслетом лечебными составами.

Серый металлический обруч в полпальца толщиной напоминал мне кандалы каторжников. И следы он оставлял точно такие же, розовые, периодически нагреваясь. Сильнее всего он раскалялся в последнюю декаду каждого месяца, и в эти дни я была готова выть от боли. Тимар ходил к Сибиллу, но тот отказался

снимать браслет, дал лишь мазь от ожогов, чтобы на запястье не оставалось шрамов от лопнувших волдырей. Приходилось терпеть. Вот как сейчас.

Сняла я браслет всего один раз.

Весной, в один из тех ярких дней, когда облачная пена над головой растекается молочной пленкой, а порывистый ветер доносит от далекого океана неуловимый запах йода, браслет раскалился впервые. Я терпела, ныла, скулила, пытаясь засунуть под него хотя бы рукав, и, наконец, сняла. Вздохнула с облегчением, засунув кисть в бочку с ледяной водой, и порадовалась наступающему теплу. А потом я услышала шаги.

– Доброго дня, – раздалось из-за спины.

Я обернулась, перекинув косу через плечо. Оруженосцы, игравшие в кости, бросили забаву, столпившись, как стая баранов.

– Меня зовут Джайр, – подмел пером на берете камни мальчишка лет пятнадцати, – а вас?

Солнце стояло у меня за спиной, и мальчишки, щурясь от ярких лучей, видели лишь райанские волосы, а не светлые лизарийские глаза.

Парень раздувал ноздри, будто принюхивался к чему-то, а я лихорадочно искала браслет в кармане.

– Джайр, отвали от юной леди, – шутливо толкнул его приятель, – ты ее пугаешь. Разрешите представиться, Стиф Ройен, оруженосец господина Лейара.

Браслет наконец-то нашелся, и я спешно натянула его на мокрую по локоть руку. Вовремя. На солнце набежала тучка, позволив рассмотреть цвет моих глаз.

– Лизарийка, – выдохнул Джайр, нахлобучивая берет на голову. – А чего это ты вырядилась, а? Компании ищешь?

Я отскочила в сторону.

– Не трогай меня!

Джайр хмыкнул.

– А то что?

Стиф оказался более сообразительным, схватил его за плечо, пытаясь удержать.

– Джайр, она не похожа на служанку…

Я, порадовавшись неожиданной помощи, шагнула еще дальше и дернула рукав на рубашке, показав татуировку.

– Брату пожалуюсь, – прошипела я.

Стиф присвистнул.

– Она сестра Орейо! Та самая, которую он привез из княжеского замка!

Более крупный Джайр стряхнул руку приятеля. Хотел что-то сказать, но сдержался, широко зашагал во внешний двор.

Стиф подобрал брошенные кости и побежал за ним, потом вернулся.

– Прости его, на Джайра порой находит.

Я недоверчиво смотрела на парня. Чего это он извиняется?

– А ты очень похожа на отца. И брата, – улыбнулся он. – Передай от меня привет Тимару, он совсем книжной крысой стал в последнее время. И если тебе вдруг что понадобится, то спроси Стифа Ройена, меня здесь все знают.

И убежал.

Тем бы эта встреча и кончилась… Но я явно не была любимицей Анары. Неделю спустя, когда я вприпрыжку неслась в свою комнатушку, чья-то сильная рука

схватила меня за плечо и втащила в укромный угол, где раньше стояли кадки с розами. Джайр зажал мне рот ладонью, одной рукой легко удерживая на месте. В панике я забилась, пытаясь его пнуть, но парень был гораздо сильнее.

Тяжело дыша, он провел носом от моего плеча до макушки, снова спустился к уху и, наконец, наклонился, заглядывая в глаза.

– Да ты на мышь похожа, – скривился он, отталкивая меня. – Пошла прочь!

Не мешкая, я рванула к Тимару. Влетела к нему в комнату без стука, как раз когда он переодевался.

– Твою мать, Лира! – рявкнул он, сдергивая простынью, чтобы прикрыться. Потом увидел зареванное лицо и наметившиеся синяки вокруг рта.

– Что случилось?

Всхлипывая, я вывалила на него произошедшее, на этот раз не скрывая, что снимала браслет.

Тимар тихо выругался.

– Брыг, тебе же девять только будет! Проклятый флер… Я обязательно поговорю с господином этого Джайра, а когда приедет граф, попрошу его убрать их из замка. Не бойся, маленькая. Хочешь спать сегодня у меня?

Я торопливо закивала. Ночевать у Тимара я любила. Он отдавал мне одну из подушек, одеяло, и я сворачивалась на кушетке, наблюдая, как парень просматривает почту и пишет черновики ответов. После нашего возвращения Тимара повысили, сделав секретарем. Или понизили, ведь он никогда не станет рыцарем из-за хромоты. Нет, Сибилл, конечно, вылечил его, остановив начинавшееся заражение крови. Вот только мышцу пришлось вырезать, и с тех пор Тимар хромал, приволакивая левую ногу. Наполненные силой амулеты, позволившие бы восстановить ткани, стоили слишком дорого.

Не знаю, что сказал Тимар хозяину Джайра, но оруженосец начал меня избегать. Долгое время я лишь изредка ловила на себе его пристальный взгляд и

расслабилась. Зря. Он снова подстерег меня в пустых переходах.

– Думаешь, хромоножка будет всегда тебя защищать? Он секретутка, и граф, скорее всего, заберет его с собой. А ты останешься здесь… И я тоже, – похабно хохотнул он, вцепившись в косу.

После этого волосы я и отрезала, чтобы больше ничья рука не могла вцепиться в пряди, наматывая их на кулак, заставляя выворачивать шею…

Злая усмешка Анары… В княжеском замке меня преследовал Джайр, и здесь парень с тем же именем не дает мне прохода.

– Тимар, – спросила я тогда. – А граф может взять тебя в свиту?

Названый брат почесал нос кончиком пера.

– Теоретически это может случиться. Но вряд ли. Зачем я ему… такой? – горько усмехнулся парень, кивнув на ногу, разнывшуюся к дождю. – Только амулеты на переходы тратить. Да и не все документы можно возить с собой или читать с опозданием. Некоторые лучше сразу расшифровывать, – поднес он к свече маленькую бумажку, совсем недавно снятую с голубя, – и уничтожать.

Глава 11

Приезд князя я наблюдала из комнаты Тимара, благо она была высоко и выходила окнами на дорогу и двор. Скорость поезду задавали кареты с княгиней, ее детьми и фрейлинами, окруженные свитой лордов и стражниками в арьергарде. Сам князь скакал впереди – эдакий бочонок в кружевах с подкрученными вверх тонкими усиками.

Граф с тремя сопровождающими выехал к нему навстречу. Придержал коня, кланяясь, и занял место по правую руку от Луара. Сидя на подоконнике, я невольно сравнивала двух мужчин, и результаты были далеко не в пользу князя. Его светлость, трясущаяся в седле как мешок с репой, и Йарра, сидящий на коне как влитой. Сутулые плечи и живот, который не мог скрыть камзол, и рядом –

худощавая, закаленная боями и бесконечными тренировками фигура. Бульдожьи щеки князя – и гладковыбритое, задубелое от морских ветров лицо графа. А ведь он всего на несколько лет младше своего сюзерена, вдруг подумала я. На пять, максимум семь. Князь, похоже, сознавал свою ущербность, и пыжился, пыжился, от чего выглядел еще контрастнее.

Гремя колесами по деревянному настилу мостов, кареты въехали во внутренний двор. Йарра сразу же бросился к княгине, помог ей выйти, припал губами к руке, расточая комплименты. Как взрослого, поприветствовал наследника, десятилетнего мальчишку со злым, нервным лицом, и приложил руку к груди, восхищаясь Куколкой.

Я придвинулась еще ближе к стеклу, силясь рассмотреть княжну. Круглолицая, черноволосая, она очень походила на княгиню и очень мало на князя. Сейчас ей, наверное, было лет четырнадцать, и я была готова поспорить, что ей не приходилось носить корсеты с оборками для увеличения груди.

Куколка едва заметно покраснела и высвободила руку из ладони графа. Присела в реверансе, что-то ответив. Граф предложил ей локоть и повел к парадной лестнице, которую с моего насеста не было видно. Как я знала, там сейчас выстроились Сибилл и Тимар, госпожа Миара и ее муж, ожидая возможности поприветствовать князя и его свиту.

Мне было страсть как интересно посмотреть на Куколку вблизи. А еще очень хотелось расспросить солдат из сопровождения князя об отце. Вдруг стало что-то известно о его судьбе? Но было нельзя. Тимар сделал мне строгое внушение, да и сама я понимала, что принадлежу теперь к роду Орейо, и мои расспросы о безземельном рыцаре, пропавшем несколько лет назад, вызовут лишь ненужные подозрения.

Гостей развели по комнатам – отдыхать с дороги. Конюхи чистили лошадей и кареты, Сибилл скрылся в своей башне, Тимар вместе с графом и князем закрылся в кабинете, а я сидела в комнате брата и отчаянно скучала. Нет, меня никто не запирал, но куцего умишки вполне хватило для понимания, что лучше не высовываться. С любовью Анары ко мне найти неприятности в толпе чужих людей было раз плюнуть.

Вышла я только под вечер, совершив набег на кухню. Главный повар, усталый и замученный, будто на нем пахали, лично готовил маринады к мясу. Мне он лишь кивнул и снова уставился в медный ковшик, стоящий на плите, а его помощница с поклоном протянула на подносе хлеб, сыр, чиар и сдобную булку.

Поблагодарив женщину, я распихала еду по карманам, перелила чиар во фляжку, в которой Тимар хранил коньяк, и прокралась на запертый чердак, где уже просыпались, забавно потирая носы кончиками крыльев, летучие мыши, а оттуда – на крышу замка. Вообще-то, лазить здесь было нельзя, на что красноречиво намекал амбарный замок, но мне нравилось сидеть на нагретой дневным солнцем черепице, привалившись к каминной трубе, и считать звезды, выкатывающиеся из-за далеких гор. Считала я, к слову, уже до сотни.

Внизу, по крытой внешней галерее, прошагали стражники, делавшие обход. Я затаилась за трубой и, дождавшись, пока они уйдут, снова разлеглась на черепице, прихлебывая чиар. От горлышка фляжки шел слабый запах алкоголя, и я представляла, что пью черное – дорогущее до невозможности! – вино.

Смена караула, и снова стук сапог внизу. Я уже совсем было собралась обратно, когда услышала крик и, через мгновение, поняла, что кричит Куколка.

– Ах ты, мелкий гаденыш! – ругалась княжна. – Убью!

– «О, госпожа моя! Ваша улыбка, как ясное солнце, ваше дыхание слаще амброзии!..»

– Отдай, я сказала!

Осторожно, ногами вперед, я сползла с конька к стоку с горгульей и, крепко вцепившись в крылья статуи, повисла над галереей. Делала я это далеко не в первый раз.

Голоса стали громче.

– Ты! – задыхалась Куколка. – Дрянь! Чтоб тебя Лес позвал! Чтоб тебя ехидна съела! Да чтоб тебя разорвало и хлопнуло!

– «…Слаще амброзии! А ваши губки…» – счастливо визжал какой-то мальчишка, и я лишь подивилась его смелости. Это ж кому жить надоело?

Кричали прямо подо мной, этажом ниже. Я перегнулась через стену. Эх, жаль, здесь нет водосточной трубы!

А потом на балкон выскочил княжич, размахивая тонкой рисовой бумагой.

– «Губки, как…» Что-о? «Створки жемчужницы»? Раковины? – заржал он. – Моллюск ты наш, губошлепочный!

Тяжелая диванная подушка сшибла его с ног.

– Не догоню, значит? – зашипела Куколка, запрыгнув на брата.

Ого! Да она же почти голая, в панталонах и корсете!

Шлеп! От звонкой пощечины у мальчишки чуть искры из глаз не посыпались.

– Мама! – заревел он благим матом и вцепился в волосы княжне.

– Ай! Пусти!

– Корова!

– Недоумок!

Бах! Клубок из тел сшиб напольную вазу, и та окатила дерущихся водой.

– Что здесь происходит?! Марианна! Освальд! Немедленно прекратите!

Мальчишка нехотя отпустил смоляные кудри княжны, а та, слезая с него, напоследок пнула брата. Тот заныл, больше не от боли, а чтобы пожалели.

– Марианна!

– Мама, он первый начал! – задыхаясь, крикнула Куколка. – Он мои письма украл! А если бы граф услышал?!

– А если бы граф увидел тебя?! Что бы он подумал? На кого ты похожа?

– Но ма…

– Никаких «ма»! Немедленно оденься! А ты, ты как здесь оказался?!

Мальчишка что-то прошепелявил.

– Освальд, – прошипела княгиня, – если ты не прекратишь пакостить сестре, я тебе обещаю, ездового орла ты не получишь! Все понял?! Быстро к себе!

Высокая женщина в темно-синем бархатном халате вышла на балкон. Кончиком туфли отбросила рассыпавшиеся рододендроны, перешагнула через лужу. Я восхитилась ее гордой осанкой. И ведь она без корсета!

Княгиня тем временем приказала горничной:

– Уберись здесь! И принеси две чашки ромашкового настоя.

Послышался шелест одежды, и на балкон вышла Куколка, по примеру матери одетая в халат.

– Мам, ты сердишься? – залезла она под мышку княгине. Та несильно потянула дочку за ухо.

– Сержусь. – Но было слышно, что она улыбается. Наклонилась и поцеловала девушку в макушку. – Взрослая леди уже, а ведешь себя…

Дальше я не подслушивала. Тихо пробралась к выходу с галереи и прошмыгнула лестничный пролет, не замеченная стражей.

– …Лира, ты плачешь? Кто тебя обидел? – спросил поздно вернувшийся Тимар.

– Я? Нет…

– Ну как же нет, когда да?

– Давай спать, – буркнула я, отвернувшись к стене.

– Ну, как знаешь.

Тимар задул свечу и сразу уснул, а я еще долго ворочалась, впервые за три года вспомнив о матери.

Глава 12

Утром меня никто не будил, и я провалялась в постели до обеда. Настроение было сумрачным, под стать хмурому дню с шелестящим по траве и камню дождем. Но если к ужину распогодилось, то мне стало еще горше. Раньше я как-то не задумывалась об отношениях с матерью, принимая как данность, что меня не любят. Подслушанный вчера разговор, нежность, с которой княгиня ласкала набедокурившую дочь, была равносильна удару под дых. И я впервые задумалась – а почему так? Что я ей сделала? Почему она так ненавидела меня? Только за то, что я похожа на отца? Почему?!

Из замка я вышла через кухню, избегая встреч с гостями, выбралась за внешнюю стену и спустилась к мелкой речушке, по которой отводили воду изо рва. Пологие берега заросли бузиной и калиной, их корни крепко держали почву, не позволяя ей расползаться во время ливней и редких паводков. Я села на обсохший на макушке, но все еще мокрый по бокам камень и обняла колени, жалея себя. Камень был холодный, и попа, обтянутая перешитыми замшевыми бриджами, начала мерзнуть.

«Вот заболею и умру, – подумала я. – И никто не вспомнит. Никому я не нужна».

Слезы потекли сильнее, раздражая и без того воспаленные глаза.

Из рощи на другом берегу доносились веселый смех и выкрики. Я прислушалась, различив среди них голос Куколки. Было видно, как между деревьями бегают фрейлины, пиная кожаный мяч размером с голову. Помню, мне захотелось присоединиться к ним, ну или хотя бы посмотреть на играющих вблизи.

Речка была воробью по колено. Я вытерла слезы рукавом и легко запрыгала по отмелям и камням, выбравшись на луг. Пиная покрытые росой лопухи, будто мимо иду, подошла к старой березе и спряталась за ее стволом, обдирая бересту.

Рощу поделили на два лагеря – с одной стороны Куколка с подругами, с другой – ее брат, стреляющий из арбалета по мишеням, развешанным на ветках. Среди его спутников я с удивлением увидела Джайра, сидящего на свернутом плаще, и похвалила себя, что спряталась, а не выкатилась на шару на поляну. Честно говоря, на парней смотреть было интереснее, девчонки, задрав юбки повыше, бестолково бегали за мячом, громко взвизгивая при каждом удачном пинке.

Как ни удивительно, лучше всех стрелял Его Высочество, он стабильно выбивал семерки и шестерки. Чуть похуже – симпатичный русоволосый мальчик с пронзительными, я даже издали разглядела, черно-зелеными глазами. У него были тройки. Остальные мазали, не попадая даже в молоко. Мне тоже очень хотелось пострелять, не будь там Джайра – что он делает в свите мальчишки на пять лет младше? – я бы попыталась выдать себя за пажа.

Русоволосый, отстрелявшись, пошел собирать болты, а я вдруг заметила, что ВСЕ его выстрелы выбивали тройки. И все – в верхней четверти мишеней. Он… Он… Ну, конечно! Он нарочно поддается!

Я так разволновалась, выглядывая из-за дерева, что мальчик, идущий в хвост очереди, заметил меня. Нахмурился было. Потом приглашающе кивнул, подзывая. Я замотала головой и показала ему поднятый большой палец. Тот хмыкнул и прижал указательный к губам. Я понятливо закивала. Мальчишка потоптался, снаряжая арбалет, посмотрел на восемь человек впереди, на будущего князя, мешавшего целиться и стрелять, на Джайра, с насмешкой глядевшего на мелюзгу, и решительно пошел ко мне.

Не знаю, что бы вышло из нашего знакомства, но с той стороны рощи, где играли девчонки, донеслись расстроенные стоны. Все головы, как по команде,

повернулись к ним.

– Ну какая же ты, Ойлис! – выговаривала Куколка смущенной фрейлине. – И кто за ним полезет?

Кожаный мяч, застрявший в густой кленовой кроне, насмешливо сверкал красными боками.

– Простите, княжна, я не хотела…

– «Прости-ите»… – передразнила Куколка. – Есть идеи, как достать мяч?

На брата и его друзей она демонстративно не обращала внимания, все еще обиженная за вчерашнее.

Кто-то из девчонок попытался трясти ствол, кто-то ветки, кто-то швырнул в мяч фляжкой и едва не попал по лбу товарке.

Русоволосый мальчик что-то сказал наследнику, но тот резко мотнул головой и ехидно осведомился:

– Что, сестричка, нужна помощь?

Куколка дернула плечами.

– Нет!.. Ойлис! Ты забросила, ты и приведи кого-нибудь, кто его достанет!

Фрейлина понуро побрела вдоль берега к мостику, оскальзываясь на мокрой траве.

– С такой скоростью она как раз к утру вернется, – язвил мальчишка. – Нет, раз помощь не нужна, я не настаиваю. Но, думаю, Джайр или Найл, – кивнул он на русоволосого, выделявшегося ростом, – могли бы достать ваш мяч.

Куколка пыхтела разъяренным ежом. Раскрасневшаяся, взъерошенная, полная энергии, она хотела продолжить игру, но попросить брата язык не

поворачивался. Усмехающийся Джайр подошел ближе, закинул голову, рассматривая ветки. Вопросительно обернулся на княжича. Тот, подняв бровь, глядел на сестру.

И тут я решилась.

– Давайте я достану, госпожа!

– Полезай! – обрадовалась Куколка, даже не спросив, кто я и откуда взялась, не из стана брата – и слава Светлым. Демонстративно смерила Джайра взглядом и, фыркнув, отвернулась. Фрейлины захихикали.

Я скинула башмаки и, подпрыгнув, ухватилась за нижнюю ветку. Кора была скользкой от влаги, и я сразу же пожалела о своем порыве, но спрыгивать показалось стыдно. Упираясь стопами в ствол, я смогла закинуть ноги на ветку. Подтянулась, подбадриваемая криками. Балансируя, выпрямилась. Помахала рукой княжне и полезла наверх. Мяч застрял в развилке крупной ветки в десятке локтей над землей. Это ж как его пнуть надо было?.. Я попыталась стряхнуть мяч, но он не шевельнулся. Босые ноги покрывала какая-то липкая, и, несмотря на это, скользкая гадость. Ладони я, по одной, отерла о жилет и оседлала ветку.

– Слезай! – вдруг донеслось снизу. – Упаси Светлые, расшибешься!

Раздвигая макушкой крупные пятипалые листья, я гусеницей доползла до развилки и вытолкнула из нее застрявший мяч. Радостные визги были мне наградой. Ползти же спиной вперед обратно оказалось сущим мучением. Несколько раз руки соскальзывали, и в животе все обрывалось от мысли, что я сейчас свалюсь. Горгулья над водостоком была гораздо надежнее раскачивающейся ветки.

Стволу за спиной я обрадовалась, как лучшему другу. Где-то слева был сук… Ага, вот он. Я, как клещ, вцепилась в него и расслабилась, позволив себе передышку. Ф-фу-ух!.. Спускалась я гораздо быстрее – не приходилось ощупывать ветки, определяя, выдержат они меня или нет. И, наконец, спрыгнула вниз, отряхивая грязные руки.

– Какой ты молодец!

Я ошарашено замерла, когда княжна расцеловала меня в щеки.

– Как тебя зовут?

– Ли… Лаура. Лаура Орейо, госпожа. Я девочка…

– Де-е-вочка? – Брови Куколки поднялись смешным домиком. – А почему ты так одета?

– Брат так решил…

Княжич буравил меня злым взглядом.

– Со смесками водишься, Марианна? Умыться не забудь!

Девушка не удостоила его ответом.

– Не бойся его. Он глупый и вредный, но совершенно безобидный. Тем более ты теперь под моей защитой.

Я попыталась сделать реверанс, растянув бриджи, как юбку.

– Благодарю вас, госпожа.

– Ой, какая ты смешная, – хихикнула Куколка. – А нормальная одежда у тебя есть?

– Платья? Есть… – «Наверное», добавила я про себя.

– Я хочу, чтобы за ужином ты сидела рядом со мной вместо этой раззявы, Ойлис. О… – вдруг озарило Куколку. – Я кое-что придумала. Так, девушки! – захлопала она в ладоши. – Все возвращаемся и готовимся к ужину и танцам!

Целеустремленная, как буксир с опытным лоцманом, княжна тащила меня за собой.

– Я хочу, чтобы сразу после купания ты пришла ко мне. Свои платья не бери, я сама подберу тебе одежду. Ты будешь очаровательной юной леди!

Наклонившись, зашептала мне на ухо:

– С этими курицами так скучно! А ты мне нравишься! Ни одна из них не полезла бы на дерево!

«Скорее, ни одна из них не рискнула бы вмешаться в ее с княжичем конфликт», – подумала я.

И в ту же секунду поняла, как навсегда избавиться от Джайра.

Глава 13

План был прост и незатейлив, как песня дворника. И, несмотря на это, он определил мою дальнейшую судьбу. Что было бы, откажись я от него? Потом я часто об этом задумывалась.

Годам к шестнадцати-восемнадцати флер достиг бы максимальной силы, и граф бы использовал меня, подкладывая под нужных людей. Что может быть проще, чем управлять мужчиной, томимым похотью?.. Кому-то я была бы наградой, кому-то, отравившемуся флером и сошедшему с ума, проклятием. Потом я бы состарилась, и граф поставил бы на кон мою жизнь в последний раз, выдав замуж. Наверняка брак был бы удачным. Годам к семидесяти – мы, райаны, даже полукровки, живем долго – я бы научилась виртуозно использовать возможности, даруемые флером, муж бы любил меня. Возможно, я бы даже родила ему детей. Возможно, была бы даже счастлива… Ровно настолько, насколько может быть счастлива марионетка в крепких руках кукловода.

А в тот день я, едва избавившись от Куколки, полезла на крышу. Не доверяя дрожащим ногам, на четвереньках спустилась к горгулье, смотрящей на север. В отличие от тех, что щерились клыками на юг, эта статуя почти вся заросла плесенью. По глупости, увидев склизкую поросль в первый раз, я ткнула ее

пальцем, а потом неделю не могла отчистить ладонь. И песком терла, и щелоком, и даже порошком для уборки – ничего эту заразу не брало.

Теперь, наученная предыдущим опытом, я аккуратно зачерпнула плесень палочкой и положила ее во флакон, в котором госпожа Галия хранила притирания. Флакон треснул, и она выбросила его еще зимой, а я подобрала. Завинтив флакон крышкой, завернула его в носовой платок, засунула в карман и вкатилась в слуховое окно чердака. Летучие мыши, гроздьями повисшие на балках, крепко спали. Не сдержавшись, я почесала пузико одному из зверьков. Тот забавно хрюкнул, приоткрыл черную бусинку глаза и снова уснул. Мыши меня совершенно не боялись. Как, впрочем, и я их.

Вернувшись в свою комнату, я торопливо плеснула воды в таз – такой роскоши, как ванна или тем более душ, мне не полагалось. Согрела воду на решетке камина и быстро ополоснулась, надела чистое белье и свежую рубашку, достала из прикроватного сундука новые бриджи. Проверила, как чувствует себя плесень во флаконе, плеснула в нее сладкой воды, чтобы не засохла. Взболтала. Поделила плесень пополам, переложив часть в глиняную кружку. Выдрала гребнем несколько клоков волос и решила, что готова.

На гостевой этаж меня пропустили без проблем – служанок и пажей здесь сновало не меньше двух десятков. Кто с подносами, кто с начищенной обувью или одеждой из прачечной.

Прикинув расположение горгулий и балконов, я сообразила, что Куколка живет на середине этажа. Княжич наверняка неподалеку. Спросить бы, да нельзя – вдруг запомнят? Я притаилась за декоративной пальмой, наблюдая за слугами. Мое терпение было вознаграждено – мимо прошагал гувернер княжича и скрылся за дверьми слева от Куколкиных.

Ура!

Щелкая суставами пальцев, я подошла к двери в покой княжны.

– Меня ждут, – пролепетала я страже.

Хмыкнув, те раздвинули алебарды, позволяя постучать, а выглянувшая горничная с поклоном проводила меня к Куколке.

Девушка сидела перед зеркалом в нижней сорочке, и две служанки завивали ей локоны.

– А ты быстро, – благосклонно улыбнулась княжна.

Быстро?!

– Майя, – скосила она глаза на служанку, – дай госпоже Лауре мое бирюзовое платье и подгони по фигуре. Сильно не перешивай, просто скрепи ткань. Оно ей понадобится только на этот вечер.

– Да, госпожа. Идемте, госпожа. – Это уже мне.

– К-куда? – Голос дал петуха, а плесень во флаконе оглушительно хлюпнула.

– Переодеваться, глупая, – сморщила носик княжна Марианна. – Майя поможет затянуть шнуровку. Что такое? – удивилась она моим колебаниям.

– Можно, я сама?.. Я стесняюсь…

– Вот… Провинция! – хмыкнула Куколка со знакомыми интонациями Тимара. – Там ванная, можешь переодеться, раз уж за ширмой стыдишься.

О такой удаче я даже и не мечтала, придумав, наверное, десяток поводов, чтобы помыть руки.

В облицованной геометрической плиткой комнате было жарко и влажно. Раздевшись до рубашки, я утонула в бирюзовой парче. Светлые, какая же она тяжелая! Кое-как нашла горловину, просунула руки в короткие рукава.

Прислушалась. Чуть приоткрыв дверь, выглянула из щелки. Одна служанка укладывала волосы госпожи в высокую прическу, другая полировала ей ногти на руках, третьей не видно. Подобрав платье, я метнулась к полке с косметикой, нашла горшочек со смягчающим бальзамом для волос, и, пока не передумала, вылила туда плесенный раствор. Прости, Куколка…

Завернула флакон в платок, спрятала его в складках одежды, а потом вернулась в гостиную.

– Вы были правы, госпожа. Я одна не справлюсь…

Дуэньи говорят, что первый бал забыть невозможно. Первое взрослое платье, первая сложная прическа, первый вальс и веер, обмахивающий горящее от комплиментов лицо… Я почти ничего не запомнила. Может, потому, что первое взрослое платье на меня надели, когда мне было шесть, может, потому, что настойчивое внимание уже успело мне приесться… А может, потому, что руки дрожали от осознания содеянного и того, что уже ничего нельзя предотвратить, только переложить ответственность за свою пакость на чужие плечи.

Помню, вечер все не заканчивался. У меня рябило в глазах от ярких костюмов, слегка подташнивало от обилия сладкого, до которого я дорвалась, а голова просто пухла от имен – Куколка старалась представить свою новую игрушку как можно большему числу людей.

Я только повторяла, как заведенная кукушка в механических часах:

– Приятно познакомиться… Рада встрече… Большая честь быть представленной вам… Лаура Орейо, госпожа, побочная ветвь рода Орейо… Уже почти десять лет… Меня воспитывает брат, он секретарь графа Йарры… Конечно, я мечтаю побывать в столице!..

Книксен, и снова:

– Приятно познакомиться…

Сначала княжна представила меня родителям, сидевшим на почетных местах. Йарра справа, чуть позади него прислонился к колонне бледный, с залегшей под глазами синевой, Тимар. Каждый раз по приезде граф требовал отчетов, и Тим дневал и ночевал в его кабинете на папках с колонками цифр. А тут еще князь… Приемный братец меня сначала даже не разглядел, мазнул равнодушным взглядом и снова уткнулся в бумаги. Опять поднял голову, и теперь в его глазах отчетливо читалось восхищение с легкой нотой разочарования: «Эх, мала еще…»

А потом он меня узнал. Убедившись, что на него никто не смотрит, покрутил пальцем у виска. Я лишь слегка пожала плечами, указав на Куколку, и чуть приподняла рукав, успокаивая, что браслет, ограничивающий флер, на месте.

Куколка долго возмущалась, что я не хочу его снимать, мол, платье рассчитано на короткий рукав! Я бухнулась на колени, рассказывая, что браслет – подарок погибшего отца, и только тогда княжна разрешила его оставить, приказав сменить рукава у наряда.

Княгиня кивнула с доброжелательным любопытством, отметив, что во мне очень много от райаны, князь просто махнул рукой – не то приветствуя, не то требуя долить вина. На Йарру я старалась не смотреть, заметила лишь, что он отклонился назад, что-то спрашивая у Тимара.

Помню, душно было, и капельки пота противно щекотали шею под приколотым шиньоном. Несмотря на распахнутые окна, ветер не колебал свечи, лишь магические шары, зажженные в честь приезда гостей, чуть подрагивали в углах зала, украшенного гирляндами диких и оранжерейных цветов. Йарра скрывал возможности своего мага, запретив ему малейшее воздействие на погоду, и раскрасневшиеся лорды, проклиная жару, горстями зачерпывали лед для дубовой водки[1 - Аналог виски.].

Помню, танцы следовали один за другим: менуэты, контрдансы, бранли, кадрили, вальсы. Наверное, их открыли князь с женой, а может, Луар к тому времени упился фруктовым вином, и вместо него с княгиней танцевал Йарра – те минуты совершенно выветрились из моей головы. Зато помню мушку на щеке у Куколки – черное сердечко, чуть сползшее к концу бала, предстоящего завтрашнему.

Кажется, ко мне подходил Тимар, что-то спрашивал, пытаясь перекричать гул и музыку, а я только кивала, и чужие кудряшки шиньона плясали вокруг моей головы.

Отлично помню Джайра и кислый запах эля от него:

– Неплохо выглядишь… Для зарвавшейся плебейки.

Я беспомощно оглядывалась, но фрейлины демонстративно отвернулись, а моей защитницы Куколки рядом не было.

Осклабившись, Джайр сдернул меня со скамейки и утащил в круг танцующих, в глазах его плясали Темные, а в висках у меня стучала мысль – нельзя позволить ему увести себя из зала. Закричать, опрокинуть поднос, вцепиться в кого-нибудь, хоть как-то привлечь внимание.

Не пришлось. Толпа почтительно расступилась, и Куколка, как Посланник Светлых, вырвала меня из лап оруженосца.

– Благодарю, что развлекли мою фрейлину. – Девушка улыбалась, но в голосе звенел металл.

Джайр не был бы придворным, не умей изворачиваться:

– Ваше Высочество, – поклонился он, выпуская мою руку. И, кажется, только я услышала «сучка высокородная».

Куколка что-то говорила, ахала над синяками, оставшимися от пальцев Джайра, вроде бы обещала спустить с оруженосца шкуру, устроить меня в пансионат или монастырь, и в ее турмалиновых серьгах перемигивались свечи. Потом какой-то рыхлый парень, по приказу княжны, плутал по переходам, провожая меня к покоям Марианны. Пытался разговорить, но я отвечала невпопад. Помню лишь имя – Сорел – и его натужное дыхание, вырывавшееся из перетянутой слишком тесным камзолом груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/elena-litvinenko/kukla-sovetnika/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Аналог виски.

Купить: https://tellnovel.com/elena-litvinenko/kukla-sovetnika-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити